

Е.Б. Демидова

СТИЛЬ...
СТИЛЬ...
СТИЛЬ...

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Прометей

Москва – 2011

Министерство образования и науки Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский педагогический государственный университет»

Е. Б. Демидова

СТИЛЬ... СТИЛЬ... СТИЛЬ...

Учебное пособие

МПГУ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРОМЕТЕЙ**

Москва – 2011

УДК 378(075.8):811.161.1-38

ББК 81.411.2-96.7

Д 304

Д 304 Демидова Е. Б. Стиль... Стиль... Стиль...: Учебное пособие. – М.: МПГУ, 2011. – 118 с.

Пособие предназначено для иностранных студентов продвинутого этапа обучения и может быть использовано при изучении аспекта «Стилистика» в практике преподавания РКИ. В пособии представлен материал по всем пяти функциональным стилям современного русского литературного языка, включая художественный. Здесь средства языка всех уровней (фонетика, лексика, словообразование, морфология и синтаксис) оцениваются с точки зрения их изобразительно-выразительных возможностей в ткани произведения.

Теоретический материал является достаточным для анализа представленных образцов различных стилей речи. Для аудиторного и самостоятельного анализа предлагаются материалы из средств массовой коммуникации разных направлений (газет, журналов, радио, телевидения), а также тексты русской классической и современной литературы – поэтические и прозаические.

Основная задача книги – развить умение студентов оптимально использовать средства русского языка при устном и письменном общении в различных сферах деятельности. Материал пособия может использоваться для написания выпускных квалификационных работ иностранных студентов.

ISBN 978-5-4263-0050-7

© МПГУ, 2011

© Оформление. Издательство «Прометей», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

1. ПОНЯТИЕ О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЯХ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА.....	5
<i>Упражнения:</i> нелитературные варианты национального русского языка, диалекты, просторечие.....	6
2. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЯХ.....	7
2.1. Книжные стили русского языка. Общие языковые особенности.....	7
2.1.1. Научный стиль: лексика, морфология и синтаксис научного стиля.....	10
<i>Упражнения:</i> лингвистический анализ текстов научного стиля речи.....	16
2.1.2. Официально-деловой стиль, его лексические, словообразовательные и грамматические особенности.....	19
<i>Упражнения:</i> анализ языковых особенностей документов официально-делового стиля, написание по образцам документов различного рода, наблюдение элементов данного стиля в произведениях художественной литературы.....	23
2.1.3. Публицистический стиль: стандарты публицистического стиля, эмоциональный синтаксис.....	26
<i>Упражнения:</i> анализ газетных материалов.....	34
2.2. Разговорный стиль.....	40
<i>Упражнения:</i> словообразовательные, лексические и синтаксические особенности разговорного стиля....	47
2.3. Обобщающие упражнения.....	55
3. ВОПРОС О ХУДОЖЕСТВЕННОМ СТИЛЕ РЕЧИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ. ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ.....	57
3.1. Основные виды тропов.....	58
<i>Упражнения</i>	65
I. Звук как средство создания образности на примере «Песни о Буревестнике» М. Горького...	65

II. Звуковая организация поэзии А. С. Пушкина.....	67
III. Использование средств словообразования в стилистических целях. Анализ отрывков из произведений Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского.....	69
IV. Лексические средства языка в художественной речи на примерах произведений С. А. Есенина, А. И. Куприна, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, А. П. Чехова.....	74
V. Синтаксис художественной речи на примерах произведений Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя, И. А. Бунина, А. П. Чехова.....	81
4. СЛОВАРЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ.....	95
5. СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	116

1. ПОНЯТИЕ О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЯХ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Слово «стиль» восходит к греческому существительному «*стило*» – так называлась палочка, которой писали на доске, покрытой воском. Со временем *стилем* стали называть почерк, манеру письма, совокупность приемов использования языковых средств. Функциональные стили языка получили такое название потому, что они выполняют важнейшие функции, являясь средством общения, сообщения определенной информации и воздействия на слушателя или читателя.

Под функциональными стилями понимают исторически сложившиеся и социально осознанные системы речевых средств, используемые в той или иной сфере общения и соотносимые с той или иной сферой профессиональной деятельности.

В современном русском литературном языке выделяются книжные функциональные стили: научный, публицистический, официально-деловой, которые выступают преимущественно в письменной форме речи, и разговорный, которому свойственна главным образом устная форма речи.

Некоторые ученые выделяют в качестве функционального стиля еще художественный (художественно-баллетристический), то есть язык художественной литературы. Писатели в своих произведениях используют все многообразие языковых средств, так что художественная речь не представляет собой системы однородных языковых явлений. Напротив, художественная речь лишена какой бы то ни было стилистической замкнутости, ее специфика зависит от особенностей индивидуально-авторских стилей. В. В. Виноградов писал: «Понятие стиля в применении к языку художественной литературы наполняется иным содержанием, чем, например, в отношении стилей делового или канцелярского и даже стилей публицистического и научного. Язык национальной художественной литературы не вполне соотносителен с другими стилями, типами или разновидностями книжно-литературной и народно-разговорной речи. Он использует их, включает их в себя, но в своеобразных комбинациях и в функционально преобразованном виде»¹.

Каждый функциональный стиль представляет собой сложную систему, охватывающую все языковые уровни: произно-

¹ Виноградов В. В. Русский язык. – М., 1972. – С. 22

шение слов, лексико-фразеологический состав речи, морфологические средства и синтаксические конструкции.

Упражнения: нелитературные варианты национального русского языка, диалекты, просторечие

1. Найдите слова, не относящиеся к сфере русского литературного языка, в следующем фрагменте из повести В. Распутина «Прощание с Матерой».

2. Почему в данном разговоре использование диалекта не мешает взаимопониманию собеседников?

Сидели у Дарьи, самой старой из старух; лет своих в точности никто из них не знал, потому что точность эта осталась при крепчении в церковных записях, которые потом куда-то увезли, — концов не найдешь. О возрасте своем старухи говорили так:

— Я, девка, уж Ваську, брата, на загорбке таскала, когда ты на свет родилась. — Это Дарья Настасье. — Я уж в памяти находилась, помню.

— Ты, однако, и будешь-то года на три меня постаре.

— Но, на три! Я замуж-то выходила, ты кто была — оглянись-ка! Ты ишшо без рубашонки бегала. Как я выходила, ты должна, поди-ка, помнить.

— Я помню.

— Ну, дак от. Куды тебе ровняться! Ты супротив меня совсем молоденькая.

Прочитайте приведенный ниже отрывок из рассказа М. Зощенко, выделите лексические единицы, не относящиеся к сфере русского литературного языка. Как они называются?

Аристократка.

— Ежели, — говорю, — вам охота скушать одно пирожное, то не стесняйтесь, я заплачу.

— Мерси, — говорит.

И вдруг подходит развратной походкой к блюду и цоп с кремом и жрет.

Съела она с кремом, цоп другое. Я аж крякнул. И молчу. Взяла меня этакая буржуйская стыдливость. Дескать, кавалер, а не при деньгах.

Я хожу вокруг нее, что петух, а она хохочет и на комплименты напрашивается.

Я говорю:

– Не пора ли нам в театр сесть? Звонили, может быть.

А она говорит:

– Нет.

И берет третье.

Я говорю:

– Натощак – не много ли? Может вытошнить.

А она:

– Нет, – говорит. – Мы привыкшие.

И берет четвертое.

Тут ударила мне кровь в голову.

– Ложи, – говорю, – взад!

А она испужалась. Открыла рот, а во рте зуб блестит.

А мне будто попала вожжа под хвост. Все равно, думаю, теперь с ней не гулять.

– Ложи, – говорю, – к чертовой матери!

2. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЯХ

2.1. Книжные стили русского языка. Общие языковые особенности

Все книжные стили, в отличие от разговорного, реализуются преимущественно в письменной форме, и это определяет их общие черты. Книжным стилям свойственно строгое соблюдение литературной нормы на всех языковых уровнях. Для лексики характерно стилевое единство, «смещение стилей» встречается как исключение. Здесь используется общеупотребительная нейтральная лексика, на фоне которой в каждом конкретном тексте употребляются специальные слова, термины. Обращение к разговорным словам, просторечию, диалектизмам, жаргонизмам, экспрессивной лексике, в особенности к словам с суффиксами уменьшительно-ласкательными, увеличительными и другими, не оправдано.

Фразеология книжных стилей нейтральная (*имеет значение, играет роль, предоставить слово, уделить внимание,*

и т.п.) и специальная, находящая применение в определенных стилях (научная – *центр тяжести, привести к общему знаменателю*; официально-деловая – *имеет место, давать показания, ввести в эксплуатацию*; публицистическая – *прямой эфир, черный вторник*). Большинство книжных фразеологизмов лишены экспрессивной окраски (*время от времени, друг друга, иметь в виду, руководящий состав, силовые структуры*).

Словообразование книжной речи отличается обилием книжных суффиксов (*сущность, корректура, восклицание, аргументация, газификация, толстовство, пушкиниана*) и приставок (*асимметричный, антихудожественный, интернациональный, ультрафиолетовый, экстраординарный, исследовать, возводить, ниспровергать*). Для книжной речи характерно словосложение (*языкознание, краевед, водомер, восьмигранник, электронасос, морозоустойчивый, плодоносящий, тяжелораненый, высокопродуктивный*), употребление аббревиатур (*хозрасчет, ТАСС, «МК», АО, НИИ и другие*).

Морфология книжных стилей характеризуется явным предпочтением именам существительным перед глагольными формами; частым употреблением причастий и деепричастий; использованием количественных и порядковых числительных при почти полном отсутствии собирательных; избирательным отношением к местоимениям (отказом от личных и большинства неопределенных местоимений и употреблением относительных, указательных).

Для книжных стилей показательно отсутствие междометий, звукоподражательных слов, большинства частиц. Характерно и предпочтение определенным грамматическим формам. Так, при наличии вариантов словоизменения последовательно используются только книжные (*цехи, в отпуске, редакторы, прочитал, семьдесятю пятью*); не желательна замена числительных счетными существительными (*сто, а не сотня, двенадцать, а не дюжина, десять, а не десяток*), как и употребление личных существительных женского рода (*антекарша, дворничиха, кондукторша*). Здесь находят применение краткие прилагательные (*высоки показатели, методы не новы*); книжные формы степеней сравнения (*более удачный вариант, менее оправданный способ, наиболее эффективный, новейший*); некоторые плеонастические сочетания (*самым теснейшим образом, самый кратчайший путь*); элятивные

формы превосходной степени, означающие высшую степень качества вне сравнения (*высшая математика, новейшие достижения, благороднейшая цель*). В конструкциях с предлогом употребляются только аналитические (сложные) формы сравнительной степени прилагательных (*в более трудных случаях, с менее удачным результатом, от более осведомленного лица и т.д.*); сочетания в случаях потрудней, с результатом похуже носят яркую разговорную окраску. Книжный синтаксис является прямой противоположностью разговорного и отличается обилием сложных, преимущественно сложноподчиненных предложений, здесь не находят применения неполные, незавершенные фразы, из односоставных возможно употребление неопределенно-личных (*железо получают восстановлением его из окислов, которые входят в состав железных руд; молоко называют «легкой пищей»*), определенно-личных (*опишем дугу; вычислим среднюю квадратичную ошибку*), некоторых типов безличных (*строителям предстоит возвести комплекс..., о сохранении правоотношений одним из родителей должно быть указано в решении об усыновлении и т.п.*). Однако некоторые типы односоставных предложений неупотребительны в книжной речи (*морозит; не спится; хочется спать; больно; ни души; нет денег; пора домой; любишь кататься – люби и саночки возить; сердцу не прикажешь*). Это объясняется их экспрессивностью или тематической закрепленностью за бытовой речью.

В книжных стилях господствует правильный порядок слов, инверсия используется редко, лишь в подчеркнуто экспрессивной речи. Неупотребительны также восклицательные, вопросительные, повелительные предложения. Обращения и вводные слова употребляются избирательно (*уважаемый коллега, господа; следует заметить, как уже было указано, несомненно, во-первых, во-вторых, наконец*).

Книжные стили открыты для построения сложных синтаксических конструкций, предложений со многими придаточными, с разными видами сочинительной и подчинительной связи. Здесь применяется цитация, однако прямая речь встречается крайне редко (в публицистическом стиле). Слова-предложения, однословные реплики (*да, нет, конечно*), диалогические единства неупотребительны, книжная речь, за редкими исключениями, монологична.

2.1.1. Научный стиль: лексика, морфология и синтаксис научного стиля

Научный стиль обладает всеми особенностями книжного стиля и в то же время имеет ряд характерных черт, заслуживающих изучения.

Специфика научной речи определяется в значительной мере экстралингвистическими (внеязыковыми) факторами: основное назначение научных произведений – изложение полученных путем исследования данных, знакомство читателя с научной информацией. Это предопределяет монологический характер языка науки. Информативная функция данного стиля отражается и в жанровом его своеобразии: он представлен научной литературой (монографии, статьи, рефераты), а также литературой учебной и справочной. Поэтому в лексике научного стиля очень много слов-терминов, которые иногда образуют целые системы. Например, медицинские слова-термины, обозначающие воспалительные процессы (*бронхит, аппендицит, гайморит, радикулит*), названия лекарств имеют также одинаковое суффиксальное оформление (*пенициллин, синтомицин, олететрин*).

Близки к терминам номенклатурные наименования, которые также употребительны в книжных стилях, и в научном, в частности. Как замечает А. В. Барандеев в пособии «Основы научной терминологии», термины не следует смешивать с номенклатурными обозначениями, поскольку термины образуют терминологию – систему единых, однородных, взаимообусловленных элементов, а номенклатура – это собрание разнородных, внутренне не связанных элементов в пределах целого².

Для научного стиля показательным употреблением слов в их точных значениях (перенос названий здесь исключается), отказ от эмоционально-экспрессивной лексики (слов ласкательных, уменьшительных и т.п.), от сниженных, нелитературных слов. Весьма типичны для языка науки смысловая точность (однозначность) словоупотребления, отказ от образных выражений, некая сухость и строгость изложения. Впрочем, степень проявления этих черт может колебаться в зависимости от жанра, темы, ситуации общения, авторской индивидуальности и других факторов. Появление экспрессивных элементов

² Барандеев А. В. Основы научной терминологии. – М.: Мир книги, 1993.

может быть вызвано полемическим содержанием текста; филологические исследования в большей мере тяготеют к эмоциональной речи, чем исследования в области точных наук.

Лексические образные средства в научном стиле иногда используются, но весьма целенаправленно, например, сравнения помогают объяснить то или иное явление (*Прилив поднимает волны, подобные горам. Лыдины стоят как высокие холмы*). В научно-популярной литературе образность речи – явление привычное (*Ель пошла под сень сосны густым сомкнутым строем. Сосна приютила первых поселенцев*).

Грамматический строй научного стиля также весьма своеобразен. Охарактеризуем его морфологические особенности. Речь научных сочинений носит, как правило, именную характер, что приводит к количественному преобладанию имен существительных, прилагательных перед глаголом и к употреблению разного рода отглагольных оборотов и слов. Например, употребление устойчивых оборотов речи с отглагольными существительными, использующихся как синонимичные глагольным формам (*оказывать воздействие (воздействовать) на...; подвергаться анализу; делаться возбуждателем и т.п.*), весьма характерно для научного стиля.

Среди существительных выделяются обозначения понятий признака, движения, состояния (слова на -ние, -ость, -ство, -ие, -ка). Употребляются отыменные прилагательные (на -ический, -ительный, -альный и другие), отглагольные существительные и существительные с сочетанием суффиксов. Распространены словосложение (*биотоки, электротабло*), калькирование, заимствование словообразовательных элементов – суффиксов, приставок (-изм, -ист, анти-, поли-). Существительные часто заменяют личные формы глагола и инфинитив (*решить – решение; формулировать – формулировка*); развита субстантивация причастий и прилагательных (*свистящий, согласный*).

Точность изложения требует употребления форм множественного числа у существительных с вещественным значением (*легированные стали, смолы, топлива*). Существительные в форме единственного числа часто выступают в обобщенном значении (*Налим мечет икру в январе. Липа цветет в июне*). Некоторые имена существительные, получив специальное значение, изменяют форму рода (*манжет – кольцо*

для скрепления концов труб; клавиш – наконечник рычажка у некоторых механизмов; гарнитура (о шрифте) и т.п.).

В научной речи используются отыменные предлоги (в течение, в связи, в отношении к, в соответствии с), отглагольные существительные, нередко получающие терминологическое значение (зрительное утомление, управление предложное и беспредложное, бурение, ускорение).

Для научной речи характерно особое употребление некоторых глагольных категорий. Используются глаголы в настоящем времени, получающем в тексте «вневременное», признаковое значение (*Хлорид медленно разлагается. Углерод составляет самую важную часть растения*). В научных текстах часто встречаются глагольные формы с ослабленными лексико-грамматическими значениями времени, лица, числа, о чем свидетельствует синонимия структур предложения. Сравним, например, такие параллели: *перегонку производят – перегонка производится; мы можем вывести заключение – можно вывести заключение – выводят заключение*. Это явление находит свое отражение в синтаксисе – наличие своего рода опустошенных личных предложений, допускающих замену на безличные, и вообще их опущение (ср. синонимические выражения: *Мы знаем, что не существует метода... – Известно, что не существует метода... – Не существует метода...*).

В научной литературе, особенно в такой, где применяются математические методы, форма будущего времени, по существу, лишена своего обычного грамматического значения и грамматически ослаблена (*будет – есть, является*); *разделим x на y* (ср.: *делим x на y*); *число выстрелов будет случайной величиной* (*является случайной величиной*).

Отвлеченность и обобщенность научного стиля проявляются и в особенностях употребления категории вида глагола в значении видовых форм. Здесь широко употребительны формы несовершенного вида как сравнительно более отвлеченно-обобщенные по значению, чем формы совершенного вида. Характерно, что и те сравнительно немногие глаголы совершенного вида, которые встречаются в научной речи, часто используются здесь в устойчивых повторяющихся оборотах в форме будущего времени, синонимического настоящему вневременному; отсюда – ослабленность и видо-

вого значения: *докажем, что...; рассмотрим...; уравнение примет вид и т.д.* В большинстве этих случаев возможна замена формой несовершенного вида, что реально и наблюдается в научных текстах.

Большее, чем в других стилях, число глаголов несовершенного вида лишено парных глаголов совершенного вида: *Кислота разъедает. Металлы легко режутся. Вода разваривает овощи и т.п.* Это обусловлено качественным значением глаголов.

Употребление лица глаголов и личных местоимений обнаруживает ту же закономерность: для научной речи характерно преобладание наиболее отвлеченно-обобщенных по своему значению единиц. Так, практически не используются формы 2-го лица и местоимения *ты, вы*, как наиболее конкретные; ничтожен процент форм 1-го лица ед. числа. В подавляющем большинстве случаев используются наиболее отвлеченные по значению формы 3-го лица и местоимения *он, она, оно*. Но еще показательнее особенности употребления этих языковых единиц. Помимо известного так называемого *авторского мы*, употребляющегося «для скромности» и ради объективности изложения (*как мы показали; мы исследовали...*), местоимение *мы* вместе с личной формой глагола очень часто выражает значения разной степени и характера отвлеченно-обобщенности. К ним относится «мы в совокупности» (*я и аудитория; мы с вами; если мы исключим..., то получим...; мы приходим к результату...; мы можем заключить...*) Характерно, что во всех этих случаях наряду с возможной подстановкой «мы с вами» не менее вероятным окажется пропуск местоимения при замене личной конструкции безличной или инфинитивной: *можно прийти к результату; можно заключить; если исключить; если обозначить и т.д.* Таким образом, значение лица оказывается весьма ослабленным, неопределенным, а, следовательно, более чем обычно отвлеченным.

Очень часто в научной речи глаголы используются в неопределенно-личном значении, близком к обобщенно-личному; во многом это зависит от семантики глаголов. В этом случае деятелем может мыслиться любой, всякий, каждый, или же он совершенно неконкретен и неизвестен и даже вообще не может предполагаться (исходя из значения глагола): *За такие активные центры принимаются атомы; законы обыкновенно формулируются...; бром получают подобно хлору.*

Отвлеченность и обобщенность научной речи выражаются в повышенной употребительности слов среднего рода. Это существительные с абстрактным значением: *движение, количество, явление, отношение, действие, свойство, образование, изменение, распределение, состояние, влияние, значение, определение и т.д.* Среди существительных мужского и женского рода большое место принадлежит абстрактной лексике: *случай, опыт, процесс, вопрос, объем, характер, период, опыт, метод, результат и другое; часть, энергия, форма, сила, величина, масса, деятельность, возможность, потребность и другое.* Отвлеченные существительные в научной речи, как правило, не метафоризируются и выступают в качестве терминов.

Интересно с точки зрения проявления отвлеченности и обобщенности употребление кратких прилагательных, которые в научной речи, в отступление от общей закономерности русского языка, широко используются для выражения не временного, а постоянного свойства предмета, например: *клетки бедны протоплазмой; третичные алкоголи... изомерны (ср.: я беден; он счастлив)* – прилагательные в краткой форме указывают на временное состояние.

Синтаксис научного стиля также убедительно подтверждает его абстрактность, обобщенность, логичность в выражении мысли, стремление к предельной точности и ясности. Научная фраза отличается структурной полнотой, ярко выраженной союзной связью, разнообразием подчинительных связей, усложненностью синтаксических конструкций и исчерпывающей их завершенностью. Для научной речи характерно преобладание сложноподчиненных предложений, в которых союзы четко отражают причинно-следственные отношения (*если... то, так что, в то время как*); той же цели служит употребление местоименно-наречных и союзных слов (*и потому, поэтому, следовательно, благодаря этому, в результате этого и другое*). Сложносочиненные и тем более бессоюзные предложения здесь менее употребительны.

Безличный характер изложения как отражение объективности активизирует употребление неопределенно-личных предложений (*Порошок помещают в пробирку... Нефть добывают...*), а также пассивных конструкций (*Олово плавится при температуре... Золото добывается. Топливо доставля-*

ется...). Показательны и случаи информативной несамостоятельности главной части сложноподчиненного предложения (*Известно, что вода закипает при 100 градусах. Следует указать на то, что... Важно подчеркнуть, что ...*).

Правильный порядок слов в предложениях способствует ясности и точности формулировок. В то же время необычное расположение членов предложения (инверсия) может служить логическому усилению, выделению той или иной части высказывания, поэтому возможны и отступления от стилистически нейтрального порядка слов.

Для научного стиля особую важность приобретает правильное, четкое выделение абзацев, помогающее подчеркнуть логическую сторону речи. Этой же цели служит и умелое объединение отдельных предложений в сложные синтаксические единства (сверхфразовые единства). Последовательность в развитии мысли отражают вводные слова и словосочетания (*во-первых, во-вторых, наконец, так, таким образом*). В то же время синтаксису научной речи чужды вставные предложения, присоединительные конструкции, лишаящие высказывание целостности.

Строительная, логичность, упорядоченность синтаксических построений свойственны всем жанрам научных произведений. Однако многие из них имеют свои особенности. В частности, как отмечает проф. Н. С. Валгина: «Это относится ко вторичным научным документам: аннотации, реферату, информационным жанрам. Лаконизация изложения здесь требует особых синтаксических конструкций. За счет изъятия системы доказательств, примеров, повторений, акцентных моментов тексты подобных жанров ориентируются на расчлененные предложения, с набором ключевых слов. Путем рубрицирования текста упрощаются синтаксические связи, подчеркнуто насаждается именной строй речи, увеличивается процент номинативных предложений»³.

Научный стиль не исключает использования в нем элементов экспрессивной речи, но они, в частности тропы, здесь подчинены в большей мере экспрессии мысли, нежели экспрессии чувства. Эмоциональность речи здесь оттеняет аргументированную логически авторскую мысль и способствует доходчивости ее изложения.

³ Валгина Н. С. Функциональные стили русского языка. – М., 1994. – С. 57.

Упражнения: лингвистический анализ текстов научного стиля речи

1. Прочитайте приведенную ниже статью Д. С. Лихачева, докажите ее принадлежность к научному стилю речи.

2. Какие особенности в использовании лексики можно здесь наблюдать?

3. Какие морфологические черты научного стиля речи имеются в тексте?

4. Найдите в тексте синтаксические приметы научного стиля.

Об искусстве слова и филологии

<...> В задачу этого письма не входит рассмотрение того, что такое филология. Это нельзя сделать ни простым определением, ни коротким описанием. Перевести это греческое по происхождению слово можно как «любовь к слову». Но в действительности филология – шире. В разное время под филологией понимались разные области культуры – именно культуры, а не только науки. Поэтому ответ на вопрос о том, что такое филология, может быть дан только путем детального, кропотливого исторического исследования этого понятия.

Сейчас время от времени вопрос о необходимости «возвращения к филологии» поднимается вновь и вновь.

Филология – это высшая форма гуманитарного образования, соединительная для всех гуманитарных наук.

Можно было бы на десятках примеров показать, как страдает историческое источниковедение тогда, когда историки превратно толкуют тексты, обнаруживают не только свое незнание истории языка, но и истории культуры. Следовательно, филология нужна и им.

Поэтому не должно представлять себе, что филология связана по преимуществу с лингвистическим пониманием текста. Понимание текста и есть понимание всей стоящей за текстом жизни своей эпохи. Поэтому филология есть связь всех связей. Она нужна текстологам, источниковедам, историкам литературы и историкам науки, она нужна историкам искусства, ибо в основе каждого из искусств, в самых его «глубинных глубинах» лежат слово и связь слов. Она нужна всем, кто пользуется языком, словом. Слово связано с любыми формами бытия с

любым познанием бытия: слово, а еще точнее, сочетания слов. Отсюда ясно, что филология лежит в основе не только науки, но и всей человеческой культуры. Знание и творчество оформляются через слово, и через преодоление косности слова рождается культура.

Чем шире круг эпох, круг национальных культур, которые входят ныне в сферу образованности, тем нужнее филология. Когда-то филология была ограничена главным образом знанием классической древности, теперь она охватывает все страны и все времена. Тем нужнее она сейчас, тем она труднее и тем реже можно найти сейчас настоящего филолога. Однако каждый интеллигентный человек должен быть хотя бы немного филологом. Этого требует культура.

Культура человечества движется вперед не путем перемещения в «пространстве времени», а путем накопления ценностей. Ценности сменяют друг друга, новые не уничтожают старые (если «старые» действительно настоящие), а, присоединяясь к старым, увеличивают их значимость для сегодняшнего дня. Поэтому ноша культурных ценностей – особого рода. Она не утяжеляет наш шаг вперед, а облегчает. Чем большими ценностями мы овладели, тем более изощренным и острым становится наше восприятие иных культур: культур, удаленных от нас во времени и в пространстве, древних культур и культур других стран. Каждая из культур прошлого становится для интеллигентного человека «своей культурой» – своей глубоко личной и своей в национальном аспекте, ибо познание своего сопряжено с познанием чужого. Преодоление всяческих расстояний – это не только задача современной техники и точных наук, но и задача филологии в широком смысле этого слова. При этом филология в равной степени преодолевает расстояния в пространстве (изучая словесную культуру других народов) и во времени (изучая словесную культуру прошлого). Филология сближает человечество – современное нам и прошлое. Она сближает человечество и разные человеческие культуры не путем стирания различий в культурах, а путем осознания, этих различий; не путем уничтожения индивидуальных культур, а на основе выявления этих различий, их научного осознания, на основе уважения и терпимости к «индивидуальности» культур. Она воскрешает старое для нового. Филология – наука глубоко личная

и глубоко национальная, нужная для отдельной личности и нужная для развития национальных культур. Она оправдывает свое название («филология» – любовь к слову), так как в основе своей опирается на любовь к словесной культуре всех языков, на полную терпимость, уважение и интерес ко всем словесным культурам (1985).

Прочитайте приведенный ниже текст. Определите, к какому стилю он относится, обратите внимание на лексические и грамматические особенности.

Идея у Достоевского

Достоевский умел именно изображать чужую идею, сохраняя всю ее полноту как идеи, но, в то же время, сохраняя и дистанцию, не утверждая и не сливая ее с собственной выраженной идеологией.

Идея в его творчестве стала предметом художественного изображения, а сам Достоевский стал великим художником идеи.

Какими же условиями определяется у Достоевского возможность художественного изображения идеи?

Прежде всего, напомним, что образ идеи неотделим от образа человека – носителя этой идеи. Не идея сама по себе является «героиней произведений Достоевского», ... а человек идеи.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что герой Достоевского – человек, идеи; это не характер, не темперамент, не социальный или психологический тип: с такими внешними и завершенными образами людей образ полноценной идеи, конечно, не может сочетаться. Нелепой была бы самая попытка сочетать, например, идею Раскольникова, которую мы понимаем и чувствуем (по Достоевскому, идею можно и должно не только понимать, но и «чувствовать»), с его завершенным характером или с его социальной типичностью как разночинца 1860-х гг. Идея Раскольникова тотчас же утратила бы свою прямую значимость как полноценная идея и вышла бы из того спора, в котором идея эта живет в непрерывном диалогическом взаимодействии с другими полноценными идеями – идеями Сони, Порфирия, Свидригайлова и других. Носителем полноценной идеи может быть только «человек в человеке» с его свободной незавершенностью и нерешенностью.

Именно к этому незавершенному внутреннему ядру личности Раскольникова диалогически обращаются и Соня, и Порфирий, и другие. К этому незавершенному ядру личности Раскольникова диалогически обращен и сам автор всем строением своего романа о нем.

Следовательно, человек идеи, образ которого сочетался бы с образом полноценной идеи, может быть только незавершенный и неисчерпаемый «человек в человеке». Таково первое условие изображения идеи у Достоевского.

М. М. Бахтин.
Проблемы поэтики Ф. М. Достоевского.

2.1.2. Официально-деловой стиль, его лексические, словообразовательные и грамматические особенности

Официально-деловой стиль обслуживает правовые отношения между гражданами и государством и применяется в различных документах – от государственных актов и международных договоров до деловой переписки. Важнейшие функции этого стиля – сообщение и воздействие – реализуются в таких официальных документах как законы, постановления, указы, приказы, договоры, соглашения, деловая переписка, заявления, расписка и другое. Этот стиль называют еще административным, так как он обслуживает сферу официальных, деловых отношений, область права и государственной политики. Другое его название – деловая речь – свидетельствует о том, что этот стиль – самый древний из книжных стилей, его истоки – в деловой речи эпохи Киевского государства, в котором юридические документы (договоры, «Русская правда», различные грамоты) создавались уже в X в.

Официально-деловой стиль выделяется среди других книжных стилей своей стабильностью, замкнутостью и стандартизованностью. Несмотря на большое разнообразие деловых документов, их язык строго подчиняется требованиям официально-делового изложения, для которых характерны: точность формулировок правовых норм и необходимость абсолютной адекватности их понимания, состав обязательных элементов оформления документа, обеспечивающих его юри-

дическую правомочность, стандартизованный характер изложения, устойчивые формы расположения материала в определенной логической последовательности и т.д.

Для всех форм делового письма обязательно строгое соответствие литературной норме на всех языковых уровнях: недопустимо использование лексико-фразеологических средств разговорного, просторечного характера, диалектных, профессионально-жаргонных слов; нелитературных вариантов словоизменения и словообразования; разговорных синтаксических конструкций. Официально-деловой стиль не приемлет экспрессивных элементов: оценочной лексики, высоких или сниженных слов (шутливых, иронических), образных выражений. Важнейшее требование к языку документа – объективность и «бесстрастность» изложения фактов.

Официально-деловой стиль функционирует преимущественно в письменной форме, однако не исключается и его устная форма – выступления государственных и общественных деятелей на торжественных собраниях, заседаниях, приемах. Устную форму деловой речи характеризуют полный стиль произношения, особая выразительность интонации, логические ударения. Выступающий может допустить некую эмоциональную приподнятость речи, даже вкрапление иноязычных языковых средств, не нарушая, однако, литературной нормы. Недопустимы неправильные ударения, нелитературное произношение.

Укажем на общие черты официально-деловой речи.

Для лексики официальной речи характерно широкое использование тематически обусловленных специальных слов и терминов (юридических, дипломатических, военных, бухгалтерских, спортивных и т.д.). Стремление к краткости обуславливает обращение к аббревиатурам, сложносокращенным наименованиям государственных органов, учреждений, организаций, обществ, партий и т.п. (*Совбез, ВДВ, МЧС, ВВС, НИИ, ДЭЗ, ЛДПР, НЗ, ЧП, СНГ, ГВМУ МО РФ, Минфин, Минздрав*), а также к сокращениям: *неликвид, нал (черный), федерал и т.п.* Как видно из примеров, в числе их немало новых слов, эта часть лексики постоянно обновляется, пополняется.

Деловые тексты отличаются употреблением слов и выражений, не принятых в иных стилях (*вышеуказанный, нижеследующий, вышеперечисленный, подлежащий, воспрещается, мера пресечения, содеянное, наказуемость и т.п.*). К ним

относятся устойчивые словосочетания: *кассационная жалоба, акт гражданского (состояния), акт неповиновения, подписка о невыезде и другое*. Регулярное употребление таких слов и выражений, не имеющих синонимов, способствует точности речи, исключает инотолкования.

Морфологические черты официально-деловой речи определяются в значительной мере ее именным характером: в ней наблюдается абсолютное преобладание имен при незначительном использовании глаголов.

Неуместность экспрессивной окраски официальной речи делает невозможным употребление междометий, модальных слов, ряда частиц, слов с суффиксами субъективной оценки, прилагательных в сравнительной и превосходной степени. Существительные, обозначающие должности, употребляются, как правило, в форме мужского рода (*бухгалтер, директор, лаборант, почтальон, контролер и другие*).

Высокая частотность отглагольных существительных является следствием закрепления устойчивых оборотов речи (синонимичных глагольным выражениям): *порядок составления и исполнения плана перевозок, в целях совершения порядка сборов налогов*. В таких оборотах речи часто возникает «цепочка» форм родительного падежа существительных (*выяснение условий совершения преступления; проверка соблюдения паспортного режима*), что придает фразе тяжеловесность и порой затрудняет восприятие подобных оборотов. Прилагательные и причастия в деловой речи часто употребляются в значении существительных (*больной, отдыхающий, нижеподписавшиеся*), продуктивны краткие формы прилагательных (*должен, обязан, обязателен, необходим, подотчетен, подсуден, ответствен*). Обращение к ним диктуется предписывающим характером деловой речи (*Вызов экспертов обязателен для установления причин смерти – Уголовно-процессуальный кодекс*).

Показателен отбор местоимений в деловой речи: здесь не употребляются личные местоимения *я, ты, он, она, они* (в силу полного отсутствия индивидуализации речи, конкретности, точности высказывания. Вместо указательных местоимений (*этот, тот, такой* и т.п.) используются слова *данный, настоящий, соответствующий, известный, указанный, вышеуказанный, нижеследу-*

ющих и другие. Совсем не находят применения в деловой речи неопределенные местоимения (некто, какой-то, что-либо и т.п.).

Для характеристики глаголов в официальной речи также важен именной ее строй: это определяет высокую частотность глаголов-связок (*является, становится, осуществляется*), замену глагольного сказуемого сочетанием вспомогательного глагола с существительным, называющим действие (*оказывать помощь, проводить контроль, осуществлять заботу* и т.д.).

По сравнению с другими книжными стилями деловой имеет самую низкую частотность глаголов: она на каждую тысячу слов равна 60, в то время как в научном стиле она составляет 90, а в художественной речи – 151. Предписывающий характер официально-делового стиля, преобладание в нем констатирующего, описательного типов речи над повествованием, рассуждением определяют его статичность, вытеснение глагольных форм отглагольными существительными.

Среди семантических групп глаголов, представленных в этом стиле, главная роль отводится словам со значением долженствования: *следует, надлежит, вменяется, обязуется* и отвлеченным глаголам, указывающим на бытие, наличие: *является, имеется*. Например:

Лица, находившиеся на постоянном воспитании и содержании, обязаны доставлять содержание лицам, фактически их воспитавшим, если последние являются нетрудоспособными и нуждающимися в помощи и не могут получить содержания от своих детей или супругов.

В официальной речи более употребительны неличные формы глаголов – причастия, деепричастия, инфинитивы, которые особенно часто выступают в значении повелительного наклонения (*принять к сведению, внести предложение, рекомендовать, изъять из употребления* и т.д.).

Формы настоящего времени глагола выполняют функцию предписания: *Предприятия несут ответственность за...; Наниматель отвечает за имущество*, – такие глагольные формы времени называют «настоящим предписанием». Формы будущего времени приобретают в контексте различные оттенки (долженствования, предписания, возможности, близкой к необходимости): *Границы будут теми, какими они существовали на 1 октября 1941 г.* (то есть установлены договором. «Международное право»,

Т. I); *военное командование выделит...* (то есть должно будет выделить. «Международное право», Т. III). Для данных форм характерно и другое значение будущего времени, типичное для деловых текстов, – будущее условное (ирреальное), употребляющееся обычно в сложноподчиненных предложениях с придаточным условным: *Страховая сумма выплачивается, если в течение года... наступит постоянная утрата трудоспособности.*

Вполне согласуется с задачами деловой речи и функционирование форм прошедшего времени. Одно из типичных его значений здесь – прошедшее подчеркнутой констатации, ярко выраженной фиксации сообщаемого в письменной форме (установления, договора и т.д.): *Финляндия подтверждает, что она возвратила СССР область...* («Международное право», Т. I).

Упражнения: анализ языковых особенностей документов официально-делового стиля, написание по образцам документов различного рода, наблюдение элементов данного стиля в произведениях художественной литературы

1. Прочитайте отрывок из рассказа В. Шукшина «Чудик».
2. Объясните, почему герою рассказа пришлось переписывать текст телеграммы.
3. Назовите лексические единицы, не соответствующие официально-деловому стилю.

В аэропорту Чудик написал телеграмму жене: «Приземлились. Ветка сирени упала на грудь, милая Груша, меня не забудь. Васятка». Телеграфистка, строгая, сухая женщина, прочитав телеграмму, предложила: «Составьте иначе. Вы взрослый человек, не в детсаде». – «Почему? – спросил Чудик. – Я ей всегда так пишу в письмах. Это же моя жена!.. Вы, наверное, подумали...» – « В письмах можете писать что угодно. А телеграмма – это вид связи. Это открытый текст». Чудик переписал: «Приземлились. Все в порядке. Васятка». Телеграфистка сама исправила два слова: «приземлились» и «Васятка». Стало: «Долетели. Василий». – «Приземлились... Вы что, космонавт, что ли?» – «Ну ладно, – сказал Чудик, – пусть так будет».

Прочитайте данные слова и словосочетания. Укажите те из них, которым свойственна окраска официально-делового стиля.

Вознаградить за труды, нетрудоспособность, жилье, привести к общему знаменателю, принять к исполнению, жилищный фонд, надлежащий, предписывать, чудесный случай, проводить исследование, ходатайствовать, привлечь к ответственности, поставить на вид, установленный порядок, единовременное пособие, посоветовать, содействовать, прямые обязанности, прогулка, соглашение, несоблюдение, дипломная работа, просрочка, ответчик.

1. Прочитайте приведенный ниже текст, определите его стилистическую принадлежность.

2. Приведите в качестве доказательств лексические, морфологические и стилистические средства языка.

Конституция Российской Федерации

Глава 2

Статья 17

1. В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией.

2. Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения.

3. Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

Статья 18

Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Статья 19

1. Все равны перед законом и судом.

2. Государство гарантирует равенство прав и свобод че-

ловека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

3. Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации.

Статья 26

1. Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности.

2. Каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества.

Составьте свои собственные документы, используя приведенные ниже образцы:

I. Доверенность

Я, Давыдова Юлия Дмитриевна, проживающая в г. Москве по ул. Широкая, дом 5, кв. 25, доверяю Петрову Ивану Васильевичу, проживающему по ул. Енисейская, дом 2, кв. 8, паспорт серия.....№....., кем и когда выдан, получить причитающуюся мне за март 2000 г. заработную плату. 28 февраля 2000 г.....(подпись)

II. Расписка

Я, Журавлева Раиса Лаврентьевна, библиотекарь, получила от спортивного общества «Спартак» две (2) пары коньков на весь зимний сезон. 5 декабря 1999 г..... (подпись)

III. Директору школы № 17 Иванову И. И. от заведующего методическим кабинетом Карпенко Н. И.

Докладная записка

Извещаю Вас о том, что необходимо купить новые наглядные пособия по физической географии. Прошу выделить сум-

му денег (.....), необходимую для приобретения этих наглядных пособий.

21 октября 2000 г..... (подпись)

IV. В отдел аспирантуры ТГУ

Отчет о командировке

По заданию кафедры русского языка филологического факультета с 25 ноября по 1 декабря 1999 г. я находился в командировке в Москве, где изучал материалы в Государственном историческом архиве и занимался в Российской библиотеке им. В. И. Ленина. Мною сделана следующая работа: собраны архивные материалы и составлена библиография научных статей, необходимых для моей работы над диссертацией.

Аспирант _____ (подпись)

13 декабря 1999 г.

2.1.3. Публицистический стиль: стандарты публицистического стиля, эмоциональный синтаксис

Публицистический стиль называют еще газетно-публицистическим, потому что публицистические произведения печатаются, прежде всего, в газетах. Этот стиль представлен также в журналах, адресованных массовому читателю, журналистских выступлениях по радио, телевидению, в речах общественно-политических деятелей на митингах, съездах, собраниях (в этом случае он представлен в устной форме). Публицистика получила название «летописи современности», так как она освещает самые важные проблемы общества – политические, социальные, бытовые, философские, экономические, морально-этические, вопросы воспитания, культуры, искусства и т.д.; ее тематика ничем не ограничена, как и жанровое разнообразие. Живая история нашего времени отражается в информационных жанрах (заметка, репортаж, отчет, интервью, хроника, обозрение), аналитических (статья, корреспонденция, комментарий, рецензия, обзор) и художественно-публицистических (очерк, фельетон, памфлет).

В публицистическом стиле соединены две важнейшие функции языка – информационная и воздействующая. Журналист не равнодушный регистратор событий, а их активный

участник, самоотверженно отстаивающий свои убеждения. Публицистика призвана активно вмешиваться в происходящее, создавать общественное мнение, убеждать, агитировать. Это определяет такие важнейшие стилеобразующие черты публицистического стиля, как оценочность, страстность, эмоциональность. Вопросы, которые поднимают журналисты, волнуют миллионы людей (экономическая политика государства, этнические конфликты, права человека и т.д.), и писать об этом книжным сухим языком невозможно. Как отмечает проф. Г. Я. Солганик, «функция воздействия, важнейшая для публицистического стиля, обуславливает острую потребность публицистики в оценочных средствах выражения. И публицистика берет из литературного языка практически все средства, обладающие свойством оценочности»⁴.

Информационная функция публицистического стиля обуславливает иные его стилеобразующие черты: точность, логичность, официальность, стандартизованность. В условиях быстрой подготовки газетных публикаций, интерес к которым особенно обострен по следам событий, журналисты используют хорошо известные им публицистические приемы, частотные языковые средства, устойчивые речевые обороты (клише). Это определяет стандартизацию языка газеты. В книге «Русский язык на газетной полосе» В. Г. Костомаров показал, что именно стандартизованность речи обеспечивает быстроту в подготовке информации. Причем обращение к языковым стандартам не только экономит усилия репортера, помогая ему оперативно откликаться на события, но и облегчает читателям возможность быстро усваивать новую информацию: пробегая глазами публикацию, можно легко уловить ее главный смысл, если он преподносится в простых, знакомых выражениях. Таким образом, сочетание экспрессии и стандарта – важнейшая черта публицистического стиля⁵.

Поскольку произведения публицистического характера адресованы широкому кругу читателей, главный критерий отбора в них языковых средств – их общедоступность. Публицисты не должны использовать непонятные читателям узкоспециальные термины, диалектные, жаргонные слова, иноязычную лексику, усложненные синтаксические конструкции, отвле-

⁴ Солганик Г. Я. Русский язык. – М., 1995. – С. 218.

⁵ Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. – М., 1971.

ченную образность. В то же время публицистический стиль – это не замкнутая, а открытая система языковых средств. Это позволяет журналистам обращаться к элементам других функциональных стилей и – в зависимости от содержания публикации – употреблять разнообразную лексику, включая внелитературные слова и выражения, необходимые для достоверного изображения событий и их героев.

Большое значение в публицистических произведениях имеет авторский стиль, свойственная тому или иному журналисту манера письма; в газетно-публицистическом стиле повествование всегда ведется от первого лица, для публицистики характерно совпадение автора и рассказчика, который непосредственно обращается к читателю со своими мыслями, чувствами, оценками. В этом сила воздействия публицистики.

В то же время в каждом конкретном произведении журналист создает образ автора, посредством которого он выражает свое отношение к действительности. Образ автора, как композиционно-речевая категория, может изменять свою форму применительно к жанру. Так, в обзоре журналист выступает от имени коллектива, организации, партии, конструируя «коллективный образ» рассказчика; в очерке образ автора обретает индивидуальные черты; в фельетоне, памфлете – это условный образ ироничного, непримиримого, критически настроенного повествователя. Но независимо от жанра авторская позиция совпадает со взглядами и оценками реального журналиста, представляющего читателям добытый им материал.

Лексика публицистического стиля отличается тематическим многообразием и стилистическим богатством. Здесь широко представлена общеупотребительная, нейтральная, лексика и фразеология, а также книжная и разговорная. Выбор словесного материала определяется темой, при обсуждении общественно-политических проблем находят применение такие, например, слова, как *приватизация, кооператор, маркетинг, менеджмент, биржа, бизнес, демократия, гласность, капитализм, социализм*; при решении вопросов повседневной жизни – иные: *пенсия, зарплата, потребительская корзина, безработица, уровень жизни, рождаемость* и т.п. На общем нейтральном фоне обращают на себя внимание оценочные лексико-фразеологические средства. В их числе можно встретить не только разговорно-просторечные слова и выражения (*свер-*

шать, низводить, козел отпущения экономической реформы, приватизация, беспредел, тусовка, крутой), но и книжные (*держава, отчизна, агония, восторжествовать шоковая терапия, вавилонское столпотворение, соломоново решение* и другие). Публицисты часто используют термины в образном значении (*эпидемия болтовни, вирус расизма, раунд переговоров, шах правительству, политический фарс, пародия на демократию, финишная прямая, линия огня, хромосомы бюрократизма*), что не исключает, однако, их употребления в точном значении в соответствующем контексте.

Публицистический стиль открыт для использования интернациональной политической лексики. Особенно расширился ее круг в последнее десятилетие XX в. (*парламент, электорат, инаугурация, спикер, импичмент, департамент, муниципалитет, легитимный, консенсус, рейтинг, эксклюзивный, коррупция, конверсия, презентация и другие*). Пополняется и словарь научной терминологии, быстро выходящий за рамки узкоспециального употребления (*интернет, принтер, виртуальный мир, стагнация, дефолт, холдинг, инвестиция, дилер, спонсор и другие*). Публицистический стиль мгновенно усваивает новые понятия и соответствующие слова и словосочетания, отражающие социальные и политические процессы в обществе (*новое финансовое оздоровление, альтернативные выборы, экономическое пространство, баланс интересов политическое мышление, политика диалога, декоммунизация общества и т.д.*). Закрепляются необычные сочетания, в которых оценочные прилагательные характеризуют социальные и политические процессы (*бархатная революция, хрупкое перемирие, сторонник шелкового пути*).

Для публицистического стиля характерно соединение контрастных по стилистической окраске слов: в нем используется лексика книжная и разговорная, высокая и сниженная. Однако обращение к разноплановой лексике и фразеологии зависит от жанра и должно быть подчинено принципу эстетической целесообразности. В фельетоне, например, возможно употребление просторечия, смешение разностильной лексики, служащее достижению комического звучания речи. В информационных жанрах такая пестрота языковых средств не оправдана.

Особого внимания заслуживает использование в публицистическом стиле речевых стандартов, клише. К ним отно-

сятся, например, такие выражения, получившие устойчивый характер: *работники бюджетной сферы, служба занятости, международная гуманитарная помощь, коммерческие структуры, силовые ведомства, ветви российской власти, по данным из информированных источников, словосочетания типа служба быта (питания, здоровья, отдыха и т.д.)*. Эти речевые единицы широко используют журналисты.

От речевых стандартов, закрепившихся в публицистическом стиле, следует отличать речевые штампы – шаблонные обороты речи, имеющие канцелярскую окраску. Среди речевых штампов, возникших вследствие влияния официально-делового стиля, можно выделить прежде всего шаблонные обороты речи: *на данном этапе, в данный отрезок времени, на сегодняшней день, подчеркнул со всей остротой* и т.п. Как правило, они ничего не вносят в содержание высказывания, а лишь засоряют предложения. Например, в газетах читаем: *«В данный отрезок времени трудное положение сложилось с ликвидацией задолженности предприятиями-поставщиками; В настоящее время взята под контроль выплата заработной платы горнякам; На данном этапе икромет у караса проходит нормально»* и т.д. Исключение указанных слов ничего не изменит в информации.

К речевым штампам относятся универсальные слова, которые используются в самых различных, часто слишком широких, неопределенных значениях: *вопрос, мероприятие, ряд, определенный, отдельный* и т.д. Например, существительное *вопрос*, выступая как универсальное слово, никогда не указывает на то, о чем спрашивают (*Особо важное значение имеют вопросы питания в первые 10–12 дней; Большого внимания заслуживают вопросы технического оснащения производства*). В таких случаях его можно безболезненно исключить из текста (ср.: *Особенно важное значение имеет питание в первые 10–12 дней*).

Среди речевых штампов выделяются и парные слова (слова-спутники), использование одного из них обязательно подсказывает и употребление другого: *проблема – нерешенная, назревшая, мероприятие – проведенное* и т.д. Становясь штампами, такие сочетания утрачивают экспрессивно-оценочное звучание, лишая речь живых красок. Речевые штампы избавляют от необходимости искать нужные, точные сло-

ва, лишают речь конкретности. Например: *«Нынешний сезон провели на высоком организационном уровне»*, – это предложение можно вставить в отчет и об уборке сена, и в спортивных соревнованиях, и о подготовке жилого фонда к зиме, и о сборе винограда...

Набор речевых штампов с годами изменяется: одни постепенно забываются, другие становятся «модными», поэтому невозможно перечислить и описать все случаи их употребления. Важно уяснить суть этого явления и препятствовать возникновению и распространению штампов.

Сравнивая публицистические тексты периода «застоя» и 1990-х гг., можно отметить значительное сокращение речевых штампов в языке газет и журналов. Стилистические «спутники» командно-бюрократической системы сошли со сцены в «посткоммунистическое время». Теперь все красоты бюрократического слога легче встретить в юмористических произведениях, чем в газетных материалах. Например у М. Жванецкого: *«Постановление по дальнейшему углублению расширения конструктивных мер, принятых в результате консолидации по улучшению состояния всемерного взаимодействия всех структур консервации и обеспечения еще большей активизации наказа трудящихся всех масс на основе ротационного приоритета будущей нормализации отношений тех же трудящихся по их же наказу»*. Скопление отглагольных существительных, цепочки одинаковых падежных форм; речевые штампы прочно «блокируют» восприятие подобных высказываний, которые невозможно осмыслить. Наша журналистика успешно преодолевает этот «стиль», он «украшает» лишь речь отдельных ораторов и чиновников государственных учреждений.

Что же касается языковых стандартов, клишированных оборотов речи, то они всегда будут использоваться в публицистическом стиле. По словам В. Г. Костомарова, в отличие от штампа, стандарт «не вызывает негативного отношения, так как обладает четкой семантикой и экономно выражает мысль, способствуя скорости передачи информации»⁶.

Публицистический стиль характеризуется некоторыми особенностями в словообразовании. Здесь отмечается большая, чем в других стилях, активность суффиксов иноязычного

⁶ Костомаров В. Г. Указ. соч.

происхождения. Они характерны для существительных (*социализм, утопизм, космизация, провокация, продукция*). Особенно показательное образование новых слов по этим моделям: *сталинизм, натурализация – обоснование законного права на гражданство в Литве; департизация (КПСС) – прекращение функционирования первичных парторганизаций, деминистеризация, коммерциализация, купонизация (Украины), декупонизация, десоветизация, фермеризация*.

Книжную окраску получают образованные с помощью иноязычных суффиксов прилагательные – *биогенный, вулканогенный, телегеничный, фотогеничный, диссертабельный, коммуникабельный*. Для прилагательных также характерны русские и старославянские приставки: *вневедомственный, внутриа-томный, междоведомственный, межконтинентальный, прозападный, противозаконный, соавтор, совладелец*. Некоторые старославянские приставки придают словам «высокое» звучание: *всевластный, преисполнить, воссоздать, воссоединить*.

Из иноязычных приставок продуктивны следующие: ***анти*** *перестроечный, архиреакционный, демаскировать, дезинформировать, посткоммунистический, трансъевропейский, контрмеры, гиперинфляция*.

Журналисты часто употребляют сложные слова типа *взаимовыгодный, всеевропейский, повсеместный, добрососедский, многосторонний, торговопромышленный, лесопарковый* и другие. Как один из способов экономии речевых средств здесь находит применение и аббревиация (ЧП, ГКЧП, АО, СНГ, ОМОН), и сокращение слов (*федерал, нал (наличность), эксклюзив*).

Морфологический строй публицистической речи имеет также свою специфику. Отдавая предпочтение книжным вариантам словоизменения, журналисты все же нередко употребляют и разговорные окончания, добиваясь непринужденного, доверительного звучания речи. Особенно это характерно для художественно-публицистических жанров, где разговорные окончания (*в цеху, трактора*) могут служить индивидуализации речи героев очерков.

В аналитических жанрах обращает на себя внимание частое употребление наиболее отвлеченных и обобщенных языковых единиц. Здесь существительные в единственном числе обычно получают собирательное значение (*читатель, пенсионер, из-*

биратель). Из местоимений не употребительны я, мои; вместо них используются в обобщенном значении *мы, наши*. Для глагола показательно предпочтение форме настоящего времени: «*Боевики проходят обучение за границей; похищают далее грудных детей*». В художественно-публицистических жанрах, напротив, увеличивается число наиболее конкретных по значению языковых единиц (это и местоимения, и глаголы в форме первого лица единственного числа: *Я спросил; Мой собеседник отвечает сразу...; Никогда не забуду эти глаза*. Здесь глаголы реализуют все свое многообразие видовременных форм и значений (как в разговорной и художественной речи).

Синтаксис публицистических произведений отличается правильностью и четкостью построения предложений, их простотой и ясностью. Используются монологическая речь (преимущественно в аналитических жанрах), диалог (например, в интервью), прямая речь. Журналисты мастерски применяют различные синтаксические приемы экспрессии: необычный порядок слов (инверсию), риторические вопросы, обращения, побудительные и восклицательные предложения. В публицистическом стиле представлены все виды односоставных предложений – номинативные, неопределенно- и обобщенно-личные, безличные (*Нам сообщают...; В заметке говорится...*). Профессор Н. С. Валгина указывает на такую отличительную особенность публицистического синтаксиса: номинативные, присоединительные и парцеллированные конструкции, придающие фрагментарность речи, «создают иллюзию свободной, непринужденной беседы, что способствует проявлению контактоустанавливающей функции речи». Это замечание подтверждает и приведенный ею пример из «Литературной газеты»: «Обновление нашей жизни невозможно без законотворчества. Без правового обоснования перемен. Без законодательных актов, гарантирующих необратимость перестройки.

Как идет законотворчество? И нет ли в самом этом важнейшем для судьбы перестройки процессе тормозящих, а то и противодействующих тенденций? Что нужно перестроить в законодательном механизме, чтобы принятые законы были жизненными, помогали эффективно изживать командно-административные методы, бороться со злоупотреблением властью, преследованием за критику, начальственным самодурством и закамуфлированным под устаревшие инструкции

бюрократизмом?... Ведь демократизация всех сфер нашей жизни должна опираться на четкие, эффективно действующие законы»⁷.

Здесь обращает на себя внимание нанизывание однородных членов предложения – тоже яркий стилистический прием экспрессивной речи. Но необычность синтаксической организации речи состоит в том, что вначале синтаксически самостоятельные отрезки текста, которые также могли бы образовать ряд однородных членов предложения, автор отделил от главной части высказывания. Это прием **парцелляции**, благодаря ей отделенные точкой (и соответствующей интонацией при чтении) части высказывания получают особую смысловую весомость и экспрессию.)

Важную стилеобразующую функцию выполняют своеобразные по синтаксическому оформлению заголовки, а также зачины текстов. Они выполняют, кроме прочих, рекламную функцию. Ведь от заголовка и зачина во многом зависит, прочтет ли читатель публикацию или не обратит на нее внимания. В них активизируется новизна выражения, в частности, используются те разновидности словосочетаний и синтаксических конструкций, которые не употребительны в других стилях. Приведем примеры броских заголовков и зачинов. Заголовки: *Изыскать резервы! Мир тебе, планета!; Перестройка: часть пути пройдена; Ученик: какой он?; За какую парту садится ученик?; Учить дисциплине!; Спыхватились; Помогли... моллюски.* Зачины: *Кавказ! Кто, заслышав это слово, не пытался... представить...; Можно ли планировать прошлое?*

Как видим, своеобразие публицистического стиля наиболее ярко и многогранно выражается именно в использовании экспрессивных средств всех уровней языковой системы.

Упражнения: анализ газетных материалов

1. Прочитайте статью из газеты «Аргументы и факты», октябрь 2008 г.

2. Принимая во внимание лексические, морфологические и синтаксические средства языка, подтвердите ее принадлежность к публицистическому стилю.

⁷ Валгина Н. С. Указ. соч. – С. 91.

Озолотите пенсионеров, а не особняки!

Не так давно в октябрьском номере «АиФ» № 42, мы достаточно жестко написали о беспределе в Пенсионном фонде (статья «Особняки – не старики! На какие деньги пенсионный фонд строит хоромы?»), о том, что «пенсионеры России бедствуют, зато здания областных отделений Пенсионного фонда утопают в роскоши». На минувшей неделе Геннадий Батанов, глава пенсионного фонда, ушел в отставку. Надеемся, что новый начальник ПФ будет внимательнее реагировать на критику СМИ, в частности – нашей газеты. Потому что тему «озолочения» областных пенсионных фондов на фоне обнищания пенсионеров мы намерены держать под жестким контролем и сейчас публикуем очередную порцию «вещдоков». (В качестве вещественных доказательств прилагаются фотографии зданий Пенсионного фонда).

1. Найдите случаи неоправданного употребления разговорной и просторечной лексики и элементов официально-делового стиля (канцеляризм) в газетных материалах.

2. Сделайте стилистическую правку.

1) В Москве широко практикуется работа по оказанию помощи больным и инвалидам на дому.

2) При странных обстоятельствах посредническая фирма разбазарила бензин общественного фонда и сама осталась без денег. Милиция возбудила уголовное дело по факту мошенничества. В ходе разбирательства засветились сомнительные фирмы, а в центре скандала оказались правоохранительные органы. _____

3) Мы с Виктором Ивановичем соратники, союзники, мы не канаемся, что там кто-то лучше или больше (официальное выступление политика). _____

4) Идет процесс развития движения за укрепление сотрудничества. _____

5) Все это произошло уже после того как тусовка российских олигархов вернулась из Вашингтона с ежегодного форума деловых кругов. _____

6) Суть схемы в том, что население может доллары только продавать, но не покупать, а банки будут иметь право на покупку зелени только под подтвержденные контракты.

7) Но теперь, даже несмотря на кризис, общественный фонд не загибается! Сейчас заканчивается строительство нового здания. _____

8) Людям нравится опускать профессиональных программистов, зарабатывающих по 100 тысяч долларов в год.

9) Его траурная речь была словно под копирку перекатана с речи полугодовой давности.

10) Это первая марка обуви, вышедшая со своей рекламной компанией на телевидение и сделавшая свою рекламу куском современной культуры. _____

11) Возмущенная всемирная кинобратва решительно выступает против. _____

12) Сборная России, напорвшись на болгар и итальянцев, в финал не вышла. В середине второго тайма ситуация устанилась. _____

13) Силовой структуре, которая занимается вооруженными преступниками, светиться не пристало.

14) Давеча наш президент заявил, что переизбираться не будет. _____

1. Прочитайте отрывок из статьи журналиста М. Бойцовой «Час пик», 16.11.200.

2. Найдите в тексте синтаксические средства воздействия (риторические вопросы и восклицания, обращения к читателю, императив, повторы, инверсию, то есть экспрессивный порядок слов).

Беда в том, что милиция не просто не способна предотвратить криминальную революцию, заняться той же профилактикой, о которой говорят педагоги. Беда в том, что она не способна найти и задержать потом уличных преступников, кем бы они ни были – скинхедами или просто дешевыми отморозками.

Вспомните убийство олимпийского чемпиона Дмитрия Нелюбина, совершенное в новогоднюю ночь в Петербурге. Его убили во дворе собственного дома не из-за каких-то убеждений, а только за то, что он пускал для детей фейерверк и громко смеялся! А забитый в августе этого года бейсбольными битами 22-летний Антон Соболев? Тогда ведь тоже все произошло в час пик на глазах у десятка свидетелей! А убитый 24 октября китайский студент? А немец – студент Политеха, избитый и ограбленный 14 октября среди бела дня? А недавняя – 11 октября 2005 года – драка между россиянами и африканцами? Во всех этих случаях нападавшим удалось не только благополучно скрыться, но и до сих пор остаться на свободе.

1. Прочитайте текст из газеты.

2. Найдите в тексте и выпишите средства выражения авторской оценки.

3. Какие местоимения используются в тексте?

4. Назовите междометия, которые использует автор.

5. Обратите внимание, как в статье используются вопросительные и восклицательные предложения.

6. Употребляет ли автор обращения, с какой целью?

Мы говорим об обычной (если это слово, конечно, может быть применимо!) уличной преступности. Мне не довелось еще видеть ни одного человека, которому удалось бы позвонить по телефону – 02. Сами стражи порядка признаются, что дело это гиблое, и советуют каждому петербуржцу носить с собой номера телефонов ближайших отделов милиции – туда

дозвониться реальнее. Правда, не факт, что помощь придет – я как-то ждала ее часа два и так и не дождалась, пришлось решать проблему самостоятельно.

Патрули на Невском – да иногда ходят. Но почему-то преимущественно днем. Куда они исчезают вечером – загадка.

Буквально напротив места убийства Качаравы – станция метро «Площадь Восстания». Однако подземных милиционеров как-то чаще доводится видеть утром, когда они останавливают смуглых граждан для проверки документов. Тимура убили в 30-ти метрах от метро. Ах да, улица – уже не их территория...

Статистика гибели военнослужащих, в том числе участвующих в боевых действиях, втрое(!) меньше. Получается, что молодым здоровым мужчинам у нас спокойнее где-нибудь воевать, чем ходить по улицам своих родных городов?

Увы, получается так. Думаю, что это очередное убийство губернатора так же, как и предыдущие «громкие» преступления, возьмет под свой личный контроль. Но, товарищи милиционеры, личного контроля губернатора на всех не хватит. (М. Бойцова, 16.11.2005).

1. Прочитайте статью журналиста А. Коптева из газеты «Аргументы и факты».

2. Найдите убедительные доказательства ее принадлежности к публицистическому стилю речи (рассмотрите языковые средства лексики, морфологии и синтаксиса).

Киев балуется. (За российский счет)

Украинские власти опять не платят за газ. Перед тем как в январе 2006 г. «Газпром» на несколько дней закрутил вентиль на российско-украинской границе, была похожая проблема. Когда газ перестал поступать «на халяву», его начали воровать из транзитной трубы, ведущей в Европу. Поиграв несколько дней на нервах России и Евросоюза, Киев все же был вынужден вернуться за стол переговоров.

Договорились в том числе, что «Газпром» больше не будет поставлять на Украину российский газ. На экспорт он продается по цене, рассчитанной по формуле, которая учитывает цены на нефть и нефтепродукты. Зато российская газовая

компания будет покупать более дешевый среднеазиатский и через посредника «Росукрэнерго» продавать его Киеву. На 2008 г. с Казахстаном, Узбекистаном и Туркменистаном удалось договориться о цене в 179,5 долл. за тысячу кубометров (в полтора – два раза дешевле, чем в Европе). Но в 2009 г. эти поставщики тоже решили перейти на рыночные цены.

Учитывая, что в формулу расчета заложено девятимесячное «отставание» газовых цен от нефтяных, пик придется на весну следующего года. Для Украины это более 400 долл. за тысячу кубометров. Впрочем, с нынешней ценой на нефть к осени газ подешевеет почти до 200 долл. Учитывая эти колебания, Москва пошла на компромисс: в октябре премьер-министры России и Украины Владимир Путин и Юлия Тимошенко подписали меморандум. В нем говорилось, что возможен переход к прямым отношениям между «Газпромом» и «Нафтогазом» Украины. Что выход на рыночные и экономически обоснованные тарифы на поставки газа и его транзит в Европу может быть поэтапным. Условие – погашение Украиной долгов.

Но работа над конкретными соглашениями застопорилась. Более того, Украина не оплатила поставки газа в октябре и ноябре. По мнению экспертов, не стоит от нее ждать этого и в декабре. Долг за газ превысит к концу года 3 млрд. долл. Причина – продолжающийся политический кризис в стране, которая при этом испытывает просто катастрофические трудности в экономике. Может ли это извинить украинское правительство и президента?

В «Газпроме» неохотно признают, что неоплаченный Украиной газ выкуплен у среднеазиатских поставщиков. При этом украинские власти не только не платят за топливо, но и умудряются на нем зарабатывать: при цене 179,5 долл. за тысячу кубометров украинские потребители получают газ уже более чем по 300 долл. за тысячу кубов. Более того, несмотря на снижение потребления топлива экономикой, Украина не сокращает общего объема покупок. То есть еще и закачивает газ в подземные хранилища на черный день, этот день приближается.

Наш источник в «Газпроме» подтвердил, что компания не может и не будет поставлять газ бесплатно при отсутствии контракта на следующий год. Текущий контракт истекает 31 декабря.

Украина – далеко не единственный потребитель газа, который столкнулся с серьезными финансовыми трудностями.

Однако, те же Болгария, Румыния, Эстония или Латвия, несмотря на тяжелейшее экономическое положение, продолжают исправно платить за энергоносители или сокращают объемы потребления.

Но в Киеве, видимо, надеются, что в условиях безвластия никому из украинских политиков отвечать за очередной кризис не придется. Что нервы у чиновников в России и Евросоюзе сдадут раньше, чем в украинских хранилищах кончится украденный газ. Что Европа даст денег или попросит «Газпром» на выгодных для Украины условиях открыть вентиль. Ведь новых маршрутов поставок газа в Европу, пока на построены «Северный» и «Южный поток», нет.

2.2. Разговорный стиль

Мы говорим не так, как пишем, и если записать разговорную речь, то она будет выглядеть настолько непривычно, что нам невольно захочется внести в нее поправки в соответствии с нормами письменной речи. Однако этого делать не следует, потому что разговорный стиль подчиняется своим собственным нормам, и то, что не оправдано в книжной речи, вполне уместно в непринужденной беседе.

Разговорный стиль выполняет основную функцию языка – функцию общения, его назначение – непосредственная передача информации преимущественно в устной форме (исключение составляют частные письма, записки, дневниковые записи). Языковые черты разговорного стиля определяют особые условия его функционирования: неофициальность, непринужденность и экспрессивность речевого общения, отсутствие предварительного отбора языковых средств, автоматизм речи, обыденность содержания и диалогическая форма.

Большое влияние на разговорный стиль оказывает ситуация – реальная, предметная обстановка речи. Это позволяет предельно сокращать высказывание, в котором могут отсутствовать отдельные компоненты, что, однако, не мешает правильно воспринимать разговорные фразы. Например, в булочной нам не кажется странной фраза: *«Пожалуйста, с отрубями, один»*; на вокзале у билетной кассы: *«Два до Одинцова, детский и взрослый»* и т.д.

В повседневном общении реализуется конкретный, ассоциативный способ мышления и непосредственный, экспрессивный характер выражения. Отсюда неупорядоченность, фрагментарность речевых форм и эмоциональность стиля.

Как и любой стиль, разговорный имеет свою особую сферу применения, определенную тематику. Чаще всего предметом разговора становятся погода, здоровье, новости, какие-либо интересные события, покупки, цены... Возможно, конечно, и обсуждение политической обстановки, научных достижений, новостей в культурной жизни, но и эти темы подчиняются правилам разговорного стиля, его синтаксическому строю, хотя в подобных случаях лексика разговоров обогащается книжными словами, терминами.

Для непринужденной беседы необходимым условием является отсутствие официальности, доверительные, свободные отношения между участниками диалога или полилога. Установка на естественное, неподготовленное общение определяет отношение говорящих к языковым средствам.

В разговорном стиле, для которого устная форма является исконной, важнейшую роль играет звуковая сторона речи, и, прежде всего, интонация: именно она (во взаимодействии со своеобразным синтаксисом) создает впечатление разговорности. Непринужденная речь отличается резкими повышениями и понижениями тона, удлинением, «растягиванием» гласных, скандированием слогов, паузами, изменениями темпа речи. По звучанию можно легко отличить полный (академический, строгий) стиль произношения, присущий лектору, оратору, профессиональному диктору, вещающему по радио (все они далеки от разговорного стиля, их тексты представляют собой иные книжные стили в устной форме речи), от неполного, свойственного разговорной речи. В нем отмечается менее отчетливое произношение звуков, их сокращение (редукция). Вместо *Александр Александрович* мы говорим *Сан Саньич*, вместо *Марья Сергеевна* – *Марь Сергеевна*. Меньшая напряженность органов речи приводит к изменениям качества звуков и даже порой к их полному исчезновению («здрасьте», а не здравствуйте, не говорит, а «грит», не теперь, а «терь», вместо будем, слышится «буим», вместо что – «чо» и т.д.). Особенно заметно такое «упрощение» орфоэпических норм в нелитературных формах разговорного стиля, в просторечии.

В радио- и тележурналистике – особые правила произношения и интонации. С одной стороны, в импровизированных, неподготовленных текстах (беседа, интервью) закономерно и естественно следование произносительным нормам разговорного стиля, однако не просторечным вариантам, а нейтральным. В то же время, высокая культура речи говорящего требует точности произнесения слов, постановки ударений, выразительности интонационного рисунка речи.

Лексика разговорного стиля делится на две большие группы:

1) **общеупотребительные слова** (*день, год, работать, спать, рано, можно, хороший, старый*);

2) **разговорные слова** (*картошка, читалка, заправский, примоститься*). Не исключено также употребление просторечных слов, профессионализмов, диалектизмов, жаргонизмов, то есть разнообразных внелитературных элементов, снижающих стиль. Вся эта лексика преимущественно бытового содержания, конкретная. В то же время, весьма узок круг книжных слов, отвлеченной лексики, терминов и малоизвестных заимствований. Показательна активность экспрессивно-эмоциональной лексики (фамильярной, ласкательной, неодобрительной, иронической). Оценочная лексика обычно имеет здесь сниженную окраску. Характерно использование окказиональных слов (неологизмов, которые мы придумываем на случай) – *открывалка, хорошунчик, щелкунчик* (вместо ореходавы), *увнучить* (по образцу усыновить).

В разговорном стиле действует закон «экономии речевых средств», поэтому вместо названий, состоящих из двух и более слов, употребляется одно: *вечерняя газета – вечерка, сгущенное молоко – сгущенка, подсобное помещение – подсобка, пятиэтажный дом – пятиэтажка*. В иных случаях преобразуются устойчивые сочетания слов и вместо двух слов употребляется одно: *запретная зона – зона, ученый совет – совет, больничный лист – больничный, декретный отпуск – декрет*.

Особое место в разговорной лексике занимают слова с самым общим или неопределенным значением, которое конкретизируется в ситуации: *вещь, штука, дело, история*. К ним близки «пустые» слова, обретающие определенное значение лишь в контексте (*волынка, бандура, драндулет*). Например: «*А куда эту бандуру денем?*» (о шкафе); «*Знаем мы эту музыку!..*»

Разговорный стиль богат фразеологией. Большинство русских фразеологизмов носят именно разговорный характер (*рукой подать, неожиданно-негаданно, как с гуся вода и другое*) еще более экспрессивны просторечные выражения (*дуракам закон не писан, у черта на куличках и т.п.*) Разговорные и просторечные фразеологизмы придают речи яркую образность; от книжных и нейтральных фразеологизмов они отличаются не значением, а особой выразительностью и сниженностью. Сравним: *уйти из жизни – сыграть в ящик, вводить в заблуждение – вешать лапшу на уши (втирать очки, высосать из пальца, брать с потолка).*

Словообразование разговорной речи характеризуют черты, обусловленные ее экспрессивностью и оценочностью: здесь употребительны суффиксы субъективной оценки со значениями ласкательности, неодобрения, увеличительности и др. (*мамочка, лапушка, солнышко, дитяtko; кривляка, пошлятина, домище; холодина и т.д.*), а также суффиксы с функциональной окраской разговорности, например, у существительных: суффиксы **-к-** (*раздевалка, ночевка, свечка, печка*); **-ик** (*ножик, дождик*); **-ун** (*говорун*); **-яга** (*работяга*); **-ятина** (*вкуснятина*); **-ша** (у существительных женского рода названий профессий: *докторша, кондукторша, билетерша и т.д.*). Используются бессуффиксальные образования (*храл, пляс*), словосложения (*лежебока, пустозвон*). Можно указать и наиболее активные случаи словообразования прилагательных оценочного значения: *глазастый, очкастый, зубастый; кусачий, драчливый; худющий, здоровенный и др.*, а также глаголов: префиксально-суффиксальные – *по-шал-ивать, приговаривать, на-игры-вать*; суффиксальные – *дер-ануть, спе-куль-нуть; здоров-еть*; префиксальные – *ис-худать, при-ку-пить и другие*. В целях усиления экспрессии используется удвоение слов – прилагательных, иногда с дополнительной префиксацией (*Он такой огромный-огромный; вода черная-черная; она глазастая-глазастая; умная-преумная*), выступающих в функции превосходной степени.

В области морфологии разговорный стиль выделяется особой частотой глаголов, они здесь употребляются даже чаще, чем существительные. Показательно и особенно частое использование личных и указательных местоимений. Как замечает профессор Г. Я. Солганик, «личные местоимения широко

употребительны из-за постоянной необходимости обозначать участников» разговора. «Любой диалог (а это основная форма разговорной речи) предполагает я – говорящего, ты – слушающего, который попеременно берет на себя роль говорящего, и он – того, кто непосредственно не участвует в беседе. В формулу я – ты – он можно вложить любое содержание»⁸. Указательные же местоимения и другие нужны разговорному стилю благодаря свойственной им широте, обобщенности значения. Их конкретизирует жест, и это создает условия для весьма сжатой передачи той или иной информации (например: *Это не здесь, а там*). В отличие от других стилей только разговорный допускает употребление местоимения в сопровождении жеста без предварительного упоминания конкретного слова (*Я это не возьму; Такой мне не подходит*).

Из прилагательных в разговорной речи находят применение притяжательные (*мамина работа, дедово ружье*), зато их краткие формы используются редко. Совсем не встречаются здесь причастия и деепричастия, а для частиц и междометий разговорная речь – родная стихия (*Что уж говорить! Вот так штука! Упаси бог об этом и вспомнить-то! На, тебе, сюрприз!*)

В разговорном стиле отдается предпочтение вариантным формам существительных (*в цеху, в отпуску, на дому, стакан чаю, меду, цеха, слесаря*), числительных (*пятидесятью, пятистами*), глаголов (*прочту, а не прочитаю, подымать, а не поднимать, не видать, не слышать*). В живой беседе часто встречаются усеченные формы глаголов, имеющие значение мгновенного и неожиданного действия: *хватъ, прыг, скок, стук и т.п.* Например: «*А этот хватъ его за рукав*»; «*А кузнечик прыг – и в траву*». Используются разговорные формы степеней сравнения прилагательных (*получше, покорооче, труднее всех*), наречий (*поскорей, поудобней, вероятней всего*) и варианты окончаний местоимений (*саму хозяйку, в ихнем доме*). Даже просторечные формы здесь встречаются в шуточных контекстах (*ейный ухажер, евонные товарищи*). В разговорной речи закрепились нулевые окончания в родительном падеже множественного числа таких существительных, как *килограмм, грамм, апельсин, помидор и т.п. (сто грамм масла, пять килограмм апельсин)*.

⁸ Солганик Г. Я. Русский язык. М., 1995. – С. 123.

Под действием закона экономии речевых средств разговорный стиль допускает употребление вещественных существительных в сочетании с числительными (два молока, две ряженки – в значении «две порции»). Здесь обычны своеобразные формы обращений – усеченные существительные: *Мам! Пап! Камь! Вань!*

Не менее самобытна разговорная речь и в распределении ладежных форм: здесь господствует именительный, который в устных репликах заменяет книжные управляемые формы.

Например, *Он построил дачу – станция рядом; Купила шубу – серый каракуль; Каша – посмотри! (разговор на кухне); Дом обуви – где выходить? (в автобусе); Поверните налево, переход и магазин спорттоваров.* Особенно последовательно именительный падеж заменяет все остальные при употреблении в речи числительных: *Сумма не превышает триста рублей (вместо: трехсот); с тысяча пятьсот тремя рублями (с тысячью пятьюстами тремя); имел три собаки (трех собак).*

Синтаксис разговорной речи весьма своеобразен, что обусловлено ее устной формой и яркой экспрессией. Здесь господствуют простые предложения, чаще неполные, самой разнообразной структуры (определенно-личные, неопределенно-личные, безличные и другие) и предельно короткие. Ситуация восполняет пропуски в речи, которая вполне понятна говорящим: *«Покажите, пожалуйста, в линейку (при покупке тетрадей); Таганку я не хочу (при выборе билетов в театр); Вам от сердца? (в аптеке)»* и т.д.

В устной речи мы часто не называем предмет, а описываем его: *«В шляпе здесь не проходила? Они любят смотреть до шестнадцати»* (имеются в виду фильмы). В результате неподготовленности речи в ней возникают присоединительные конструкции: *Надо ехать. В Санкт-Петербург. На конференцию.* Такое дробление фразы объясняется тем, что мысль развивается ассоциативно, говорящий словно припоминает подробности и дополняет высказывание.

Сложные предложения не характерны для разговорной речи, чаще других употребляются бессоюзные: *«Уеду – тебе будет легче; Ты говори, я слушаю».* Некоторые бессоюзные конструкции разговорного типа не сопоставимы ни с какими книжными фразами. Например: *«А там что, богатый выбор*

или вы не были?; А к следующему разу, чтоб, пожалуйста, и этот урок и прошлый!».

Необычен и порядок слов в живой речи: на первое место ставится, как правило, самое важное в сообщении слово: *Компьютер мне купи; Валютой расплатился; Всего ужаснее это то, что ничего уже нельзя сделать; Дворцовая площадь / выходите?; Вот эти качества я и ценю.* При этом иногда переплетаются части сложного предложения (главное и придаточное): *«Я и так воды не знаю где достать; И голод знаю, и что такое холод; Вы спрашиваете о ней и что я сделал?».* Как замечает профессор Н. С. Валгина, «контаминировать могут простые и сложные предложения, когда придаточные включаются в состав простого предложения в качестве его членов»⁹. Например: *«Литература – это когда читатель столь же талантлив, как и писатель» (Свет.); «Киж-озеро – это где раньше рыбаки семь лет рыбу ловили, а другие семь лет на том же месте траву косили» (Пришв.)* Придаточные предложения включаются в перечисленный ряд однородных членов простого предложения: *«Вы спрашиваете про чаши, лица и что я заметил в них» (Дост.).*

Для типичных разговорных сложных предложений характерно ослабление функции придаточного, усиление его с главным, структурная редукция: *«Ты могла бы поговорить, о чем захотела; Будешь работать, с кем прикажут; Зови, кого хочешь; Живу, как придется».*

В ряде разговорных типов предложений могут совмещаться вопросно-ответные построения и отражаться структурные черты диалогической речи, например: *«Кого я уважаю на курсе, так это Иванова; Кто мне нужен, так это ты».* Следует отметить и такие черты разговорного синтаксиса:

- употребление местоимения, дублирующего подлежащее: *Вера, она поздно приходит; Участковый, он это заметил;*
- вынесение в начало предложения важного по смыслу слова из придаточной части: *Хлеб я люблю, чтоб всегда свежий;*
- употребление слов-предложений: *Ладно; Ясно; Можно; Да; Нет; Отчего же? Конечно! Еще бы! Ну да! Да нет! Возможно;*
- использование вставных конструкций, вносящих добавочные, дополнительные сведения, поясняющих главное сообщение: *Я думал (тогда я был еще молод), он шутит; А мы,*

⁹ Валгина Н. С. Указ. соч. – С. 22.

как известно, всегда рады гостю; Коля – он вообще добрый человек – хотел помочь...

Активность вводных слов: *может быть, кажется, к счастью, как говорится, так сказать, скажем так, знаете.*

Широкое распространение лексических повторов: *Так-так, вот-вот, еле-еле, далеко-далеко, быстро-быстро и т.п.*

В заключение отметим, что разговорный стиль в большей степени, чем все другие стили, обладает ярким своеобразием языковых черт, выходящих за рамки нормированного литературного языка. Он может служить убедительным доказательством того, что стилистическая норма принципиально отличается от нормы литературной. Каждый из функциональных стилей выработал свои собственные нормы, с которыми следует считаться. Это не значит, что разговорная речь всегда вступает в противоречие с литературными языковыми правилами. Отступления от нормы могут колебаться в зависимости от внутрстилевого расслоения разговорного стиля. В нем есть разновидности сниженной, грубой речи (просторечие, впитавшее влияние местных говоров, и т.д.) Но разговорная речь интеллигентных, образованных людей вполне литературна, и в то же время, она резко отличается от книжной, связанной строгими нормами других функциональных стилей.

Упражнения: словообразовательные, лексические и синтаксические особенности разговорного стиля

Найдите в письме А. П. Чехова к О. Л. Книппер лексические и синтаксические особенности разговорного стиля речи.

О. Л. Книппер

26 февраля 1901, Ялта

Миленькая, сегодня уже 26 февраля, а от тебя нет писем, нет! Отчего же? Писать не о чем или Петербург со своими газетами донял тебя до такой степени, что ты и на меня махнула рукой? Полно, дуся, все это чепуха.

Не приедешь ли с Машей в Ялту на Страстной неделе, а потом бы вместе в Москву вернулись? Подумай, моя радость.

Я был нездоров, кашлял и прочее, теперь легче стало, сегодня уже выходил гулять, был на набережной.

28 февраля в «Новом времени» юбилей. Боюсь, как бы Суворину не устроили скандал.

Долго ты еще не будешь мне писать? Месяц? Год?

Целую тебя крепко, моя родная. Господь тебя благословит.

Образуйте от данных сочетаний слов имена существительные разговорного стиля речи.

Маршрутное такси, наличные деньги, sms-сообщение, овсяная каша, заправочная станция, кредитная карта, зарубежная литература.

Докажите, что разговорный диалог носит ситуативный характер; восстановите ситуацию общения.

А. – Чем заправить-то?

Б. – Да чем хочешь...

А. – Ну давай вот этим...

Б. – Давай.

1. Прочитайте рассказ В. М. Шукшина «Степкина любовь», найдите в тексте примеры разговорных и просторечных слов.

2. С какой целью писатель обращается к указанному пласту лексики?

В. Шукшин **Степкина любовь**

Весной, в апреле, Степан Емельянов влюбился. В целинщицу Эллочку. Он видел ее всего два раза. Один раз подвез из города до деревни – ничего. Сидели рядом и молчали. На ухабах полторку подкидывало... Девушка прислонялась к Степану и всякий раз смущенно смотрела на него, точно хотела сказать: «Вы, конечно, понимаете, что не сама же я хочу этого». И отодвигалась на самый край сиденья. А Степан – ничего, даже не смотрел на девушку. Насвистывал себе «Амурские волны» и думал об аккумуляторе (у него аккумулятор сел¹⁰).

¹⁰ Аккумулятор сел (разг.-професс.) – аккумулятор сломался.

Подъехали к деревне, девушка полезла в сумочку за деньгами. Степан слегка зарумянился в скулах.

– Бросьте вы...

– Почему? – Девушка вскинула на него зеленоватые, прозрачные глаза.

– А что?

– Ничего, – Степан «кинул скорость», газанул¹¹ и уехал.

«Бывают же такие красивые!» – подумал он о девушке. И все.

И забыл о ней. Мотался неделями по нелегким алтайским дорогам, ночевал где придется, видел других девушек, и красивых, и не очень красивых – всяких. Мало ли девушек на белом свете! Обо всех думать – голова распухнет.

Наступил апрель.

Как-то в субботу заехал Степан домой. Помылся в бане, надел вышитую рубаху, новенькие, мягкого хрома сапоги, вышил ковш крепкой медовухи и пошел в клуб смотреть постановку. Должны были играть свои, деревенские артисты. Степан очень любил, когда играли свои. Интересно. Знаешь человека вот с таких лет, приходишь в клуб, глядь – тот же Гришка Новоселов, скажем, бегают по сцене с бородой по пояс и орет дурным голосом:

– Живьем тебя сгною, такой-сякой!...

Степан всегда хохотал в таких случаях, и на него всегда шикали соседи и говорили, что он не понимает, что к чему.

Сел Степан поближе к сцене и стал смотреть. И видит: выходит на сцену та самая девушка, которую он подвез из города. Такая же красивая, только спокойная и какая-то очень важная: голова чуть откинута назад, русые косы по пояс, в красных сапожках. Ходит медленно, голову поворачивает медленно, а голос родной какой-то. Степан почему-то начал волноваться. Он узнал ее сразу. Только он не думал, что она такая красивая. То есть он знал, что она красивая, но не так.

Потом на сцену вышел один нахальный парень, Васька Семенов, колхозный счетовод. В шляпе, в очках, тоже очень важный. В другое время Степан тут обязательно бы захохотал, но сейчас ему было не до смеха. Он смотрел на девушку и ждал, что у них будет с этим Васькой. Он увидел, как заблестели глаза девушки, как вся она как-то съежилась, как будто испугалась чего. Степану стало жалко ее.

¹¹ Кинуть скорость (разг.-професс.) – сразу с места поехать быстро.

– Зачем ты пришел? – спросила она.

– Я не могу без тебя! – говорит этот дурак громко, на весь зал.

– Уходи, – говорит девушка, но как-то так, что слышится больше: «Не уходи».

– Я не уйду, – говорит Васька и подходит к ней ближе.

Степан вцепился руками в край скамьи. Он знал, что этот Васька так просто не уйдет. И не успел он глазом моргнуть, не успел подумать, чем все это кончится, как счетоводишка ловко обнял девушку за плечи, чуть завалил на левую руку и поцеловал. Степан видел губы девушки после поцелуя – припухшие, чуточку влажные, приоткрытые. Они вздрагивали в стыдливой, счастливой улыбке. У Степана потемнело в глазах. Он встал и пошел из клуба.

На улице прислонился к столбу и долго не мог прийти в себя.

– Как же так!.. – думал он.

Три дня ходил Степан сам не свой. (Машину он поставил на ремонт). Он узнал, что девушку зовут Элла, что она из города Воронежа, работает учетчицей в тракторной бригаде. И все. Хотел было поговорить с Васькой Семеновым, чтобы тот не особенно наигрывал в постановке, но вовремя одумался: это ж не по правде у них. Люди засмеют. Как-то вечером Степан начистил до блеска свои хромовые сапоги и направился... к Эллочке. Дошел до ворот (она Жила у стариков Куксиных), постоял, повернулся и пошел прочь. Побрел за деревню, к реке. Сел на сырую землю, обхватил руками колени, уронил на них голову и так просидел до утренней зари. Думал. Он похудел за эти дни; в глазах устоялась серьезная, черная тоска. Ничего не ел почти, курил одну за одной папиросы и думал, думал.

– Чего это ты? – спросил его отец.

– Так... – Семен задавил сапогом окурок и снова полез за папиросами, а сам смотрел в сторону. Эллочку он не видел ни разу за это время. В клуб больше не ходил.

На четвертый день Степан заявил отцу:

– Хочу жениться.

– Ну? Кого хочешь брать? – поинтересовался Егор Северьяныч, отец Степана.

– Эту... новенькую... учетчицу... – тихо ответил Степан, недовольно глядя мимо отца в окно.

Егор Северьяныч задумался.

– Ты с ней знакомый?

– Та-а... – Степан замялся. – Нет.

– Я сватать не пойду, – твердо заявил Егор.

– Почему?

– Не хочу позора на старости лет. Знаю я такое сватовство: придешь, а девка ни сном, ни духом не ведает. Сперва договорись с ней. Погуляй малость, как все люди делают, тогда пойдем сватать. А то... Ты вечно, Степка, наобум Лазаря¹² действуешь. Учил тебя, учил, все без толку.

Этот разговор слышал дед Северьян, отец Егора. Он лежал на печке хворый¹³.

– Скажите, какой принц выискался: сватать он не пойдет, – сердито сказал Северьян. – Ты забыл, Егор, как я за тебя невесту ходил провожать?

Егор Северьяныч недовольно нахмурился, закурил. Долго молчал. Чего говорить, сам он в молодости был такой же, как Степан: боялся на девку глаза поднять.

– Я могу, конечно, сходить, – заговорил он, – но только ... я думаю не пойдет она за тебя.

– Пойдет! – сказал дед Северьян. – За такого парня любая пойдет.

– Почему ты думаешь, что не пойдет? – спросил Степан, чувствуя, что холодеет изнутри.

– Городская ж она... черт их поймет, чего им надо. Скажет – отсталый.

– Сам ты отсталый, Егор, – опять встрял Северьян. – Сейчас не глядят на это. Сейчас девки умнее пошли. Я старый человек и то это понимаю.

В четверг с утра отец с сыном собирались на сватовство. Степан опять надел вышитую рубаху, долго приглаживал перед зеркалом прямые, жесткие волосы.

Егор Северьяныч, болезненно сморщившись, ловил негнуцимися, темными пальцами маленькую скользкую пуговицу на ширинке новых брюк, с великим трудом вгонял ее в тугую петельку.

– Сошьют же, оглоеды! – ругался он. – Не лезет, хоть ты что. Хоть матушку-репку пой.

Степан пригладил волосы, остановился посреди избы, соображая, что еще сделать над собой.

¹² Наобум Лазаря (разг.) — делать не подумав, наугад.

¹³ Хворый (простореч.) — больной.

– Надень галстук, – посоветовал дед Северьян.
– На вышитую рубаху не идет, – пояснил Степан.

Собрались наконец.

Егор Северьяныч тронул огромной ладонью затылок, озадаченно посмотрел на отца.

– А пол-литра брать с собой или нет? Они ведь теперь по-новому все живут, не поймешь ничего.

Дед Северьян подумал.

– Возьми в карман, – посоветовал он. – Понадобится – она при себе. Пошли.

День был солнечный, звонкий. Текли ручьи. Небо отражалось в лужах; синие осколки его там и здесь весело сверкали на черной земле. Апрель всюду бушевал на дорогах.

Шли молча. Старательно обходили лужи, чтобы не замарать сапоги.

У Куксиных огромный домина выстроен.

В первых двух комнатах никого не было. Егор Северьяныч приуныл: он думал, что сейчас разведет лясы¹⁴ со стариком Куксиным и в разговоре как-нибудь вставит: «А мы ведь к вам того, по делу...» Старик обязательно помог бы ему. Теперь же надо проходить прямо в горницу, где жила Элла.

Отец с сыном переглянулись и направились к горнице.

Егор казанком¹⁵ указательного пальца осторожно стукнул в дверь.

– Да! – ответили из горницы.

У Степана больно подпрыгнуло сердце.

Егор Северьяныч приоткрыл половинку двери, с трудом протиснулся внутрь. Степан – за ним. Стали у порога.

Прямо перед ними за столом сидел Васька Семенов, а рядом с ним, близко, – Эллочка.

Чай попивают. Васька без пиджака, в шелковой желтой рубахе, выбритый до легкого сияния. Сидит, как у себя дома, свободно, даже развалился немного. Смотрит на Емельяновых ласково и глупо.

Эллочка легко поднялась с места, подставила гостям стулья.

– Проходите, садитесь, пожалуйста.

Егор Северьяныч, глядя на Ваську, прошел и сел. Потом оглянулся на сына. У Степана во всю щеку полыхал горячий румянец. Он точно прирос к полу.

¹⁴ Развести лясы (разг.) – долго разговаривать.

¹⁵ Казанок (разг., диалект.) – второй сустав указательного пальца.

– Садитесь, что вы стоите! – весело крикнула Эллочка. – Вы что, его никогда не видели?

Степан сел, положил на колени фуражку. Некоторое время молчали.

Эллочка, готовая рассмеяться, бросала взгляды то на Степана, то на Ваську. – Я однажды ехала с вами из города. Вы тогда очень сердитый были.

Степан мучительно улыбнулся.

А Васька счел необходимым пошутить.

– Левачков, значит, подбрасываем, Степан Егорыч? Нехорошо!..

Егор Северьяныч еще раз глянул на гладкое Васькино лицо, нагнул по-бычьей голову и сказал прямо:

– Мы, девка, сватать тебя пришли.

– Как?..

– Ну, как сватают! Сын вон у меня, – Егор кивнул в сторону Степана, – хочет, чтобы ты за него выходила. Если ты согласная, конечно.

Элла взглянула на Степана.

Тот сжал до отеков кулаки, положил на колени и внимательно их рассматривал. На лбу у него мелким бисером выступил пот. Он не вытирал его.

– То есть замуж?.. – спросила Элла и покраснела.

– Куда ж еще – вздохнул Степан. И посмотрел в глаза Ваське. Васька хохотнул и пошевелился на стуле. И уставился на Эллу. Она стояла около стола, розовая от смущения, старательно снимала белыми пальчиками соринку с платья.

– Поздно хватился, Степа, – громко сказал Васька и опять пошевелился на стуле. – Опоздал.

Степан на этот раз не удостоил его взглядом, смотрел неотступно, требовательно и серьезно на девушку, ждал. Смущение его отчего-то прошло.

Эллочка вдруг резко подняла голову, глянула на Степана зеленовато-чистыми глазами. И стыд, и ласка, и упрек, и одобрение, и что-то еще, невыразимо прекрасное, робкое, отчаянное было в ее взгляде. У Степана дрогнуло от радости сердце. Никто бы не смог объяснить, что такое родилось между ними и почему родилось. Это понимали только они двое. Да и то не понимали. Чувствовали. И в этот момент Васька брякнул:

– Мы скоро поженимся, Степа.

И так это у него глупо вышло, что он даже сам подумал: не надо бы ему так говорить.

Егор Северьяныч встал было и пошел из горницы, но Элла как-то вся вдруг встрепелась, даже немного излишне поспешно сказала:

– Куда вы? Сват называется! Я-то вам еще ничего не ответила.

Она быстро приходила в себя. Она не смотрела на Степана, но Степан... Степану неважно было, смотрит она на него или нет. Степан весь горел от стыда и радости. Никакие силы не подняли бы его сейчас с места и не заставили уйти. Егор Северьяныч остановился. Васька сидел красный и растерянный. Он с ужасом тоже начал что-то понимать.

– Садитесь. И давайте чай пить, что ли.

Эллочка сначала растерялась, потом заговорила уже уверенно и с какой-то другой теперь веселостью, чем вначале, – с решительной веселостью.

Все были в ожидании того, что сейчас непременно произойдет.

– Может, мне лучше уйти? – громко спросил Васька, и голос его дрогнул от обиды. Васька погибал, погибал прямо и просто. Он даже не пытался спастись.

– Я считаю, что да, – тоже громко сказал Степан. Он немного поторопился. Не надо бы так тоже... Но уж тут ничего не сделаешь. Их было двое, и один должен был уйти. Оба действовали грубо. И кого-то одного Эллочка должна была извинить.

Васька на этот раз тоже не удостоил Степана взглядом: он смотрел на Эллу. Элла опять покраснела и глянула на Егора Северьяныча, который все еще стоял посреди горницы и переводил глаза то на одного, то на другого, то на третью. Он совсем не мог сообразить, что тут происходит. Эллочка невесело рассмеялась.

– Вот положение-то, господи! Хоть бы помог кто-нибудь. Ну, почему вы стоите-то! Садитесь же!

Она даже ногой слегка пристукнула. Ей было нелегко.

Васька поднялся со стула. Стал надевать пиджак. Он его как-то очень медленно надевал. Все ждали, когда он наконец наденет его.

– Эх, Степа, жалко мне тебя, – сказал Васька.

И пошел из горницы. На пороге еще оглянулся, зло и весело посмотрел на всех и вышел, крепко хлопнув дверью. Неко-

торое время в горнице было тихо. Степан осторожно вытер со лба пот. И улыбнулся.

– Нет, вы как хотите, а я сейчас выпью, – сказал Егор Северяныч, подходя к столу. – Я даже ослаб от такого сватовства.

2.3. Обобщающие упражнения

1. Познакомьтесь с табличкой «Функциональные стили русского литературного языка».

2. Дополните ее там, где стоят вопросительные знаки (При выполнении этого упражнения вам поможет учебник Д. Э. Розенталя. Практическая стилистика русского языка).

Стиль	Прагматическая цель	Осн. форма бытования	Хар-р речи
Официально-деловой	Создание документов	Письм.	Монолог
Научный	Фиксация и передача новых данных	Письм.	Монолог
Публицистический (стиль СМИ)	?	Письм.	?
Литературно-художественный	Создание худож. реальности	Письм.	?
Разговорно-бытовой	?	?	Диалог

Ниже перечислены некоторые жанры каждого из функциональных стилей. Продолжите эти списки.

Официально-деловой

Справка, объяснительная записка, заявление, коммюнике, указ

Научный

Научная статья, доклад, учебное пособие

Публицистический
Информационная заметка, очерк, интервью

Литературно-художественный
Стихотворение, роман, басня

Разговорно-бытовой
«Просто болтовня», «выяснение отношений», «обсуждение планов»

1. Сравните лексико-фразеологический состав и грамматический строй данных текстов и сделайте вывод о функционально-стилевой принадлежности каждого текста.

2. В отрывке из рассказа И. С. Туренева выделите тропы (метафоры, олицетворения, эпитеты) и другие средства образной речи.

I. Береза – род деревьев и кустарников семейства березовых. Обычно выделяют 120–140 видов в умеренных и холодных поясах Северного полушария и в горах субтропиков. Это лесобразующая и декоративная порода. Наибольшее хозяйственное значение имеют береза повислая, или бородавчатая, и береза пушистая. Древесину используют в мебельном производстве, на поделки. Почки и листья используются как мочегонное и желчегонное средство. Пять видов занесено в Красную книгу.

Осина – дерево рода тополь. Растет на Севере Евразии и в хвойных и широколиственных лесах. Используют в защитных насаждениях, древесину – при производстве спичек, целлюлозы, тары, различных поделок.

II. Ты не представляешь! На днях наша докторша отправила меня на больничный. Примостился я на скамеечке, что сразу за пятиэтажкой в нашем парке. Греюсь, понимаешь, на солнышке... Нежданно-негаданно подходят работяги вот с такими ручищами (!) и ну валить наши березки да осинки. Я хватить одного за рукав – да ведь дуракам закон не писан! Что уж говорить! Надо в управу бежать!

III. По данным из информированных источников, лесопарковой зоне нашего района угрожает строительство автостоянки. Прекрасная березовая роща и осиновая аллея, где так любят гулять жители района, окажутся под гусеницами бульдозера! Способны ли соответствующие департаменты муниципалитета встать на защиту парка? Или эпидемия болтовни опять помешает отстоять оазис красоты? Необходимо срочно принять контрмеры и остановить противозаконную вырубку деревьев!

IV. Мы, нижеподписавшаяся комиссия природоохранного департамента ЮЗАО осмотрели, обмерили, сличили чертежи на строительство автостоянки в вышеуказанном районе березовой рощи.

В ходе проведенного контроля было выявлено осуществление незаконной вырубки зеленых насаждений. В настоящей зоне отдыха проведение порубки воспрещается.

Руководство района обязано принять меры и внести предложение по указанному вопросу.

V. А осенний, ясный, немножко холодный, утром морозный день, когда береза, словно сказочное дерево, вся золотая, красиво рисуется на бледно – голубом небе, когда низкое солнце уже не греет, но блестит ярче летнего, небольшая осиновая роща вся блистает насквозь, словно ей весело и легко стоять голой, изморось еще белеет на дне долин, а свежий ветер тихонько шевелит и гонит упавшие покоробленные листья... (И. С. Тургенев).

3. ВОПРОС О ХУДОЖЕСТВЕННОМ СТИЛЕ РЕЧИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ. ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ

Особенность языка художественной литературы составляют:

- единство коммуникативной и эстетической функций,
- многостильность,
- широкое использование изобразительно-выразительных средств,
- проявление творческой индивидуальности автора.

Кроме того, язык художественной литературы оказывает большое влияние на развитие литературного языка.

Не все указанные черты являются специфической принадлежностью художественного стиля, только эстетическая функция полностью относится к нему. Что касается других черт, то они в большей или меньшей степени встречаются и в других стилях. Так, изобразительно-выразительные средства языка используются во многих жанрах публицистического стиля, в научно-популярной литературе. Индивидуальный слог автора встречаем и в работах научных, и общественно-политических. Литературный язык – это не только язык художественной литературы, но и язык науки, периодической печати, государственных учреждений и т.д. Сильное влияние на его развитие оказывает разговорная речь.

Будучи частью общелитературного языка, язык художественной литературы вместе с тем выходит за его пределы: для создания «местного» колорита, речевой характеристики действующих лиц, а также в качестве средства выразительности в художественной литературе используются диалектные слова. Социальную среду характеризуют слова жаргонные, профессиональные, просторечные и т.д. Со стилистической целью используются также архаизмы, их основное назначение – создать исторический колорит эпохи. Они употребляются и для других целей – придают речи торжественность, патетичность, служат средством создания иронии, сатиры, пародии (в этих функциях архаизмы встречаются не только в художественной литературе, но и в публицистике, в эпистолярном жанре и т.д.).

3.1. Основные виды тропов

Особую экспрессивность придают художественной речи **тропы** (гр. *tropos* – поворот, оборот, образ) – слова, употребленные в переносном значении: метафоры (*Земля – корабль. Но кто-то вдруг... В сплошную гущу бурь и вьюг ее направил величаво.* – Ес.); сравнения (*Я был, как лошадь, загнанная в мыле, Пришпоренная смелым ездоком.* – Ес.); эпитеты (*Отговорила роща золотая Березовым, веселым языком.* – Ес.); метонимии (*Пускай о многом неумело Шептал бумаге карандаш.* – Ес.); аллегории (*Отцвела моя белая липа, Отзвенел соловьиный рассвет.* – Ес.) и другие образные выражения.

Отмечая, что в художественной литературе язык выступает в особой, эстетической функции, мы имеем в виду использование образных возможностей языка – звуковой организации речи, выразительно-изобразительных средств, экспрессивно-стилистической окраски слова. Образность слова обусловлена его художественной мотивированностью, назначением и местом в составе художественного произведения, соответствием его образному содержанию. Слово в художественном контексте двупланово: будучи единицей номинативно-коммуникативной, оно служит также средством создания художественной выразительности, создания образа.

Русский синтаксис обладает огромными выразительными возможностями. Это и разные типы односоставных и неполных предложений, и особый порядок слов, и вставные и вводные конструкции, и слова, грамматически не связанные с членами предложения. Среди них особенно выделяются обращения, они способны передать большой накал страстей, а в иных случаях – подчеркнуть официальный характер речи. Сравните пушкинские строки:

Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы! –

и обращение В. Маяковского:

Гражданин фининспектор!
Простите за беспокойство...

Яркие стилистические краски таит в себе прямая и несобственно-прямая речь, восклицательные и вопросительные предложения, в особенности, риторические вопросы.

Риторический вопрос – одна из самых распространенных стилистических фигур, характеризующаяся замечательной яркостью и разнообразием эмоционально-экспрессивных оттенков. Риторические вопросы содержат утверждение (или отрицание), оформленное в виде вопроса, не требующего ответа: *«Не вы ль сперва так злобно гнали Его свободный, смелый дар И для потехи раздували Чуть затаившийся пожар?...»* (Л.).

Совпадающие по внешнему грамматическому оформлению с обычными вопросительными предложениями риторические вопросы отличаются яркой восклицательной интонацией, выражающей изумление, крайнее напряжение чувств. Не случайно авторы иногда в конце риторических вопросов ставят восклицательный знак или два знака – вопросительный и восклицательный: *«Ее ли женскому уму, воспитанному в затворничестве, обреченному на отчуждение от действительной жизни, ей ли не знать, как опасны такие стремления и чем оканчиваются они?!»* (Бел.); *«И как же это вы до сих пор еще не понимаете и не знаете, что любовь, как дружба, как жалованье, как слава, как все на свете, должна быть заслуживаема и поддерживаема?!»* (Добр.).

Эмоциональную напряженность речи передают и такие присоединительные конструкции, в которых фразы не умещаются сразу в одну смысловую плоскость, но образуют ассоциативную цепь присоединения. Например, *«Есть у каждого города возраст и голос. Есть одежда своя. И особенный запах. И лицо. И не сразу понятная гордость»* (Рожд.).

Пунктуация позволяет автору передать прерывистость речи, неожиданные паузы, отражающие душевное волнение говорящего. Вспомним слова Анны Снегиной в поэме С. Есенина: *«Смотрите... Уже светает. Заря как пожар на снегу... Мне что-то напоминает... Но что?... Я понять не могу... Ах!.. Да... Это было в детстве... Другой... Не осенний рассвет... Мы с вами сидели вместе... Нам по шестнадцать лет...»*.

Особенностью стиля художественного произведения является выступающий в нем «образ автора» (повествователя) – не как непосредственное отражение личности писателя, а как ее своеобразное перевоплощение. Подбор слов, синтаксических конструкций, интонационного рисунка фразы служит для создания речевого «образа автора», определяющего весь тон повествования, своеобразие стиля художественного произведения.

В. В. Виноградов рассматривал язык художественной речи в сложной ассоциации: во-первых, как речь или текст, построенный на основе данного национального языка и отражающий его систему; во-вторых, как язык искусства, то есть систему средств художественного выражения: «Язык словесного искусства – это система словесно-художественных форм, их значений и функций, возникающая на основе синтеза комму-

никативной функции литературного и народно-разговорного языка с функцией выразительно-изобразительной»¹⁶.

Одно из важнейших положений в стилистике художественной речи – разграничение стиля писателя и лингвистических особенностей какого-то отдельного произведения. Разумеется, между этими понятиями существует определенная связь, но в отдельном произведении нельзя увидеть все особенности стиля писателя. Исследуя одно произведение, мы ставим цель найти те лингвистические особенности, которые позволяют автору решить задачи именно данного произведения.

В различных языковых стилях, особенно в стиле художественной литературы, широко используются языковые средства, усиливающие действенность высказывания благодаря тому, что к чисто логическому его содержанию добавляются различные экспрессивно-эмоциональные оттенки. Усиление эмоциональности речи достигается различными средствами, в первую очередь использованием тропов.

Троп – это оборот речи, в котором слово или выражение используется в переносном значении. В основе тропа лежит сопоставление двух понятий, которые представляются близкими в каком-то отношении.

В художественной речи наиболее распространены следующие виды тропов.

Эпитет – это слово, определяющее предмет или действие и подчеркивающее в них какое-либо характерное свойство, качество. Стилистическая функция эпитета заключается в его художественной выразительности. Особенно выразительны в функции эпитетов прилагательные и причастия, благодаря присущему им семантическому разнообразию и богатству. Например, в предложении «*А волны моря с печальным ревом о камни бились*» (М.Г.) в роли эпитета выступает прилагательное «печальный», употребленное в переносном значении. Оно определяет существительное «рев». Такую же роль играет существительное «воевода» в предложении «*Мороз-воевода дозором обходит владенья свои*» (Н.).

Сравнение – это сопоставление двух явлений, с целью пояснить одно из них при помощи второго. Стилистическая функция сравнения – создание художественной выразительности.

¹⁶ Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 2 изд. – М., 1972. – С. 22.

Например, *«Дредноут боролся. Будто живое существо, еще более величественный среди ревущего моря и громовых взрывов»* (А.Т.). Здесь не только сопоставляется дредноут и живое существо, но и создается художественный образ.

Сравнения выражаются различными способами:

1) формой творительного падежа: *«Снежная пыль столбом стоит в воздухе»* (Горб.);

2) формой сравнительной степени прилагательного или наречия;

3) оборотами с различными союзами: *«Под ним Казбек, как грань алмаза, снегами вечными сиял»* (Л.), *«Впрочем, это были скорее карикатуры, чем портреты»* (Т.);

4) лексически (при помощи слов «подобный», «похожий» и т.п.): *«Ее любовь к сыну была подобна безумию»* (М.Г.).

Наряду с простыми сравнениями, когда два явления сближаются по какому-то общему у них признаку, используются сравнения развернутые, в которых сопоставляются многие схожие черты: *«Чичиков все еще стоял неподвижно на одном и том же месте, как человек, который весело вышел на улицу с тем, чтобы прогуляться, с глазами, расположенными глядеть на все, и вдруг неподвижно остановился, вспомнив, что он позабыл что-то, и уж тогда глупее ничего не может быть такого человека: миг беззаботное выражение слетает с лица его; он силится припомнить, что позабыл он, не платок ли, но платок в кармане, не деньги ли, но деньги тоже в кармане; все, кажется, при нем, а между тем какой-то неведомый дух шепчет ему в уши, что он позабыл что-то»* (Г.).

Метафора – это слово или выражение, которое употребляется в переносном значении на основе сходства в каком-либо отношении двух предметов или явлений. Например, в предложении *«Смирились вы, моей весны высокопарные мечтанья»* (П.), слово «весны» употреблено в значении «юности». В отличие от двучленного сравнения, в котором приводится и то, что сравнивается, и то, с чем сравнивается, метафора содержит только второе, что создает емкость и образность сравнения. Метафора – одна из наиболее распространенных разновидностей тропов, так как сходство между предметами или явлениями может быть основано на самых разных чертах.

Подобно сравнению, метафора может быть простой и развернутой, построенной на различных ассоциациях по сходству: *«Вот охватывает ветер стаи волн объятыем крепким и*

бросает их с размаху в дикой злобе на утесы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады» (М.Г.).

Метонимия – это слово или выражение, которое употребляется в переносном значении на основе внешней или внутренней связи между двумя предметами или явлениями. Связь эта может быть:

- 1) между содержимым и содержащим: *«Я три тарелки съел»* (К.);
- 2) между автором и его произведением: *«...Белинского и Гоголя с базара понесет»* (Н.);
- 3) между действием и орудием этого действия: *«Их села и нивы за буйный набег обрек он мечам и пожарам»* (П.);
- 4) между предметом и материалом, из которого этот предмет сделан: *«Не то на серебре – на золоте едал»* (Гр.);
- 5) между местом и людьми, находящимися на этом месте: *«Все поле охнуло»* (П.).

Синекдоха – разновидность метонимии, основанная на перенесении значения с одного явления на другое по признаку количественного соотношения между ними. Обычно в синекдохе употребляется:

- 1) единственное число вместо множественного: *«Все спит – и человек, и зверь, и птица»* (Г.);
- 2) множественное число вместо единственного: *«Мы все глядим в Наполеоны»* (П.);
- 3) часть вместо целого: *«– Имеете ли вы в чем-нибудь нужду?» – «В крыше для моего семейства»* (Герц.);
- 4) родовое название вместо видового: *«– Ну, что ж, садись, светило»* (М.);
- 5) видовое название вместо родового: *«Пуще всего береги копейку»* (Г.).

Гипербола – образное выражение, содержащее непомерное преувеличение размера, силы, значения и т.д. какого-либо явления: *«В сто сорок солнц закат пылал»* (М.).

Литота – выражение, содержащее, в противоположность гиперболе, непомерное преуменьшение размера, силы, значения и т.д. какого-либо явления: *«Ниже тоненькой былиночки надо голову клонить...»* (Н.).

Гипербола и литота могут употребляться одновременно: *«Дивно устроен наш свет... Тот имеет отличного повара, но, к сожалению, такой маленький рот, что больше двух кусочков не может пропустить; другой имеет рот величиной*

в арку главного штаба, но, увы, должен довольствоваться каким-нибудь немецким обедом из картофеля» (Г.)

Ирония – это употребление слова или выражения в смысле, обратном буквальному, с целью насмешки: *«Ай, Моська, знать она сильна, что лает на слона» (Кр.)*.

Аллегория – это иносказательное изображение отвлеченного понятия при помощи конкретного жизненного образа. Аллегория часто используется в баснях и сказках, где носителями свойств людей выступают животные, предметы, явления природы. Например, хитрость воплощается в образе лисы, жадность – волка, коварство – змеи и т.д.

Олицетворение – троп, состоящий в перенесении свойств человека на неодушевленные предметы и отвлеченные понятия: *«Я свистну, и ко мне послушно, робко вползет окривавленное злодейство, и руку будет мне лизать, и в очи смотреть, в них знак моей читая воли» (П.)*; *«Утешится безмолвная печаль, и резвая задумается радость» (П.)*.

Перифраза (или перифраз) – оборот, состоящий в замене названия предмета или явления описанием их существенных признаков или указанием на их характерные черты: *«автор “Героя нашего времени” – вместо М. Ю. Лермонтов, “царь зверей» – вместо «лев»*.

Анафора – это повторение отдельных слов или оборотов в начале отрывков, из которых состоит высказывание: *«Клянусь я первым днем творенья, клянусь его последним днем, клянусь позором преступления и вечной правды торжеством...» (Л.)*

Эпифора – это повторение слов или выражений в конце смежных отрывков: *«Мне бы хотелось знать, отчего я титулярный советник? Почему именно титулярный советник?» (Г.)*.

Параллелизм – это одинаковое синтаксическое построение соседних предложений или отрезков речи. Примером может служить построение стихотворения М. Ю. Лермонтова *«Когда волнуется желтеющая нива...»*.

Антитеза – это оборот, в котором для усиления выразительности речи резко противопоставляются противоположные понятия: *«Где стол был яств, там гроб стоит» (Держ.)*. Часто антитеза строится на антонимах: *«Богатый и в будни пирует, а бедный и в праздник горюет» (посл.)*.

Градация – это стилистическая фигура, состоящая в таком расположении слов, при котором каждое последующее

содержит усиливающееся значение, благодаря чему создается нарастание производимого ими впечатления. Например: «Осенью ковыльиные степи совершенно изменяются и получают свой особенный, самобытный, ни с чем не сходный вид» (Акс.); «Приехав домой, Лаевский и Надежда Федоровна вошли в свои темные, душевные, скучные комнаты» (Ч.).

Инверсия – это расположение членов предложения в особом порядке, нарушающем обычный, так называемый прямой порядок, с целью усилить выразительность речи. Не всякий обратный порядок слов является инверсией, об инверсии можно говорить только тогда, когда ее использование связано со стилистическими задачами – повышением экспрессивности речи: «С ужасом думала я: “К чему все это ведет! И с отчаянием признавала власть его над моей душой”» (П.); «Вывели лошадей. Не понравились они мне!» (Т.); «Ведь он друг был мне» (Л.Т.).

Риторический вопрос – это стилистическая фигура, состоящая в том, что вопрос ставится не с целью получить на него ответ, а только для того, чтобы привлечь внимание читателя или слушателя к тому или иному явлению: «Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи!» (Г.); «Иль нам с Европой спорить ново? Иль русский от побед отвык?» (П.)

Риторическое обращение – это подчеркнутое обращение к кому-нибудь или чему-нибудь: «Цветы, любовь, деревня, праздность, поле! Я предан вам душой» (П.); «Тише, ораторы, ваше слово, товарищ маузер!» (М.). Риторические обращения служат не столько для обращения к адресату речи, сколько для того, чтобы выразить отношение к тому или иному объекту, дать ему характеристику, усилить выразительность речи.

Упражнения

I. Звук как средство создания образности (на примере «Песни о Буревестнике» М. Горького)

1. Прочитайте «Песню о Буревестнике» М. Горького.
2. Обратите внимание, какой звук повторяется чаще всего? С какой целью автор использует звуковой повтор в своем произведении?

*3. Имеются ли в тексте звуковые противопоставления?
Как связаны они со смыслом произведения?*

4. Пронаблюдайте, сопровождается ли звуковой повтор другими видами повтора?

Песня о Буревестнике

Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный.

То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит – и тучи слышат радость в смелом крике птицы.

В этом крике – жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике.

Чайки стонут перед бурей, – стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей.

И гагары тоже стонут, – им, гагарам, недоступно наслаждение битвой жизни: гром ударов их пугает.

Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах...

Только гордый Буревестник реет смело и свободно над седым от пены морем!

Все мрачней и ниже тучи опускаются над морем, и поют и рвутся волны к высоте навстречу грому!

Гром грохочет. В пене гнева стонут волны, с ветром споря. Вот охватывает ветер стаи волн объятые крепким и бросает их с размаха в дикой злобе на утесы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады.

Буревестник с криком реет, черной молнии подобный, как стрела пронзает тучи, пену волн крылом срывает.

Вот он носится, как демон, – гордый, черный демон бури, – и смеется и рыдает... Он над тучами смеется, он от радости рыдает!

В гневе грома, – чуткий демон, он давно усталость слышит, он уверен, что не скроют тучи солнца, – нет, не скроют!

Ветер воет... Гром грохочет...

Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря.

Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи вьются в море, исчезая, отраженья этих молний.

– Буря! Скоро грянет буря!

Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревушим гневно морем; то кричит пророк победы:

– Пусть сильнее грянет буря!..

II. Звуковая организация поэзии А. С. Пушкина

1. Прочитайте стихотворение А. С. Пушкина. Обратите внимание на звуковую организацию данного текста (в качестве руководства используйте статью, приведенную ниже).

2. Пронаблюдайте, имеются ли в стихотворении парные звуковые повторы?

3. Обратите внимание, использует ли автор звуковые контрасты в данном стихотворении?

4. Найдите в тексте старославянизмы и архаизмы. Каково назначение устаревшей лексики в тексте?

Ехегі monumentum

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрійского столпа.

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит –
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

1836

Звуковая композиция многих пушкинских стихов начинается с заглавия. Консонантный состав заглавного слова отражается в одном из слов текста. Заглавие – источник звукового ряда, проходящего через стихотворение. Например, **звуковой состав** слова «Анчар» отражен в словах: *«черный, прозрачною, ручьями, дремучий, горючий»*. А **консонантный состав** слова *жалобы*, вынесенного в заглавие стихотворения «Дорожные жалобы», варьируется в словах *большой* («на большой мне, знать, дороге»), *шлагбаум* («иль мне в лоб шлагбаум влепит») и т.д. Повторение звука «ж» и «парного ему “ш”» создает некую звукопись, благодаря которой читатель как бы воочию слышит скорбные, тихие жалобы.

В некоторых стихотворениях почти все слова объединяются в пары или *сквозные звуковые ряды*. В стихотворении «Анчар» консонантный состав первого слова *в пустыне* отражен в разных словах, последовательно объединяющих строфы (*степеней, растопясь, птица, песок*).

В то же время, можно наблюдать и **звуковой контраст**, который соответствует смене тональности стихотворения. Например, в том же «Анчаре» указанная группа глухих согласных противопоставляется сочетанию звонких: *«И умер бедный раб у ног непобедимого владыки»*.

Характерной особенностью пушкинского стиха является **парный повтор**. Например, *«лег-на лыжи, вселенной-властной, летит-лист, человек-чело, мчится-туча»*. То же видим в стихотворении «Дорожные жалобы»: *«в коляске-колесом, судил-злодею, в лесу-околою»* и т.д.

Особую роль в звуковой организации текста играют **многоконсонантные слова**. Консонантный состав многоконсонантного слова отражается в той или иной мере в различных более простых словах. При этом многоконсонантное слово предшествует более простым словам. Оно может примыкать к ним непосредственно: *«Стамбул для сладостей порока мольбе и сабле изменил»*. Расположение может быть дистантным: *«Вскормленный в неволе орел молодой – туда, где синюют морские края»*. И наконец, многоконсонантное слово и его более простые вариации имеют и ступенчатое расположение: *«В безмолвии лесов, весной, во мгле ночей поет над розою восточный соловей, но роза милая не чувствует, не внемлет»*.

Таким образом, возникновение и последующее распадение многоконсонантного слова образуют звуковой стержень текста.

На всем протяжении творчества Пушкина достаточно явственна тенденция к установлению звуко-смысловых отношений между словами. Она сосуществует с другой не менее явной тенденцией – к объединению рядом стоящих слов на основе звуковой близости вне зависимости от смысловых отношений между словами. Стихи Пушкина насыщены звуковыми повторами разной глубины и разного характера. Они объединяют и слова, которые связаны синтаксическими связями, и слова, синтаксически не связанные, и занимают разные позиции: они могут находиться в одном предложении (*на печальные поляны, и демон мрачный и мятежный, люблю твой строгий стройный вид*) и в одной строке или распределяются между разными предложениями и разными строками (*шипенье пенных бокалов \ и пунша пламень голубой, пишу, читаю без лампы \ и ясны спящие громады*).

III. Использование средств словообразования в стилистических целях.

Анализ отрывков из произведений Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского

1. Найдите в приведенном ниже отрывке из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя однокорневые слова.

2. Проверьте по словарю С. Ожегова, одинаково ли значение корня в словах «исторический» и «история». С какой, на ваш взгляд, целью автор «сталкивает» разные значения многозначного слова?

3. Укажите примеры использования Н. В. Гоголем элементов словообразовательного гнезда в стилистических целях: проанализируйте случаи употребления однокорневых слов в тексте.

4. Как данный прием помогает созданию иронического эффекта?

Ноздрев был в некотором отношении исторический человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории. Какая-нибудь история непременно происходила: или ведут его под руки из зала жандармы, или принуждены вытолкать свои же приятели. Если же этого не случится, то все-таки что-нибудь да будет такое, чего с другими никак

не будет: или нарежется в буфете таким образом, что только смеется, или провретса самым жестоким образом, так что, наконец, самому делается совестно. И наврет совершенно без всякой нужды: вдруг расскажет, что у него была лошадь какой-нибудь голубой или розовой шерсти, и тому подобную чепуху, так что слушающие, наконец, все отходят.

1. Прочитайте отрывок из произведения Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Найдите в тексте слова, имеющие суффиксы субъективной оценки.

2. В каких случаях они имеют уменьшительно-ласкательное значение, а в каких – уменьшительно-уничтожительное?

3. Какую функцию, на ваш взгляд, выполняют указанные суффиксы в данном отрывке?

4. Обратите внимание на авторское новообразование «преступленьице». В чем состоит несообразность сочетания «крошечное преступленьице»?

5. Выпишите из текста группы однокорневых слов. Подумайте, с какой целью Достоевский использует «корневой повтор»?

Но Раскольников в последнее время стал суеверен. Следы суеверия оставались в нем еще долго спустя, почти неизгладимо. И во всем этом деле он всегда потом склонен был видеть некоторую как бы странность, таинственность, как будто присутствие каких-то особых влияний и совпадений. Еще зимой один знакомый студент, Покорев, уезжая в Харьков, сообщил ему как-то в разговоре адрес старухи Алены Ивановны, если бы на случай пришлось ему что заложить. Долго не ходил к ней, потому что уроки были, и как-нибудь да пробивался. Месяца полтора назад он вспомнил про адрес; у него были две вещи, годные к закладу: старые отцовские серебряные часы и маленькое золотое колечко с тремя какими-то красными камешками, подаренное ему при прощании сестрой на память. Он решил отнести колечко; разыскав старуху, с первого же взгляда, еще ничего не зная про нее особенного, почувствовал к ней непреодолимое отвращение, взял у нее два «билетика» и по дороге зашел в один плохонький трактиришко. Он спросил чаю, сел и крепко задумался. Странная мысль наклеивалась в его голове, как из яйца цыпленок, и очень, очень занимала его.

Почти рядом с ним на другом столике сидел студент, которого он совсем не знал и не помнил, и молодой офицер. Они сыграли на бильярде и стали пить чай. Вдруг он услышал, что студент говорит офицеру про процентщицу, Алену Ивановну, коллежскую секретаршу, и сообщает ему ее адрес. Это уже показалось Раскольникову как-то странным: он сейчас оттуда, а тут как раз про нее же. Конечно, случайность, но он вот не может отвязаться теперь от одного весьма необыкновенного впечатления, а тут как раз ему как будто кто-то подслуживается: студент вдруг начинает сообщать товарищу об этой Алене Ивановне разные подробности.

– Славная она, – говорил он, – у ней всегда можно денег достать <...>, может сразу пять тысяч выдать, а и рублевым закладом не брезгает. Наших много у ней перебивало. Только стерва ужасная... И он стал рассказывать, какая она злая, капризная, что стоит только одним днем просрочить заклад, и пропала вещь. Дает вчетверо меньше, чем стоит вещь, а процентов по пяти и даже по семи берет в месяц и т.д. Студент разболтался и сообщил, кроме того, что у старухи есть сестра, Лизавета, которую она, такая маленькая и гаденькая, бьет по минутно и держит в совершенном порабощении как маленького ребенка, тогда как Лизавета, по крайней мере, восьми вершков росту...¹⁷ <...>

– ... Я бы эту проклятую старуху убил и ограбил, и уверяю тебя, что без всякого зазору совести, – с жаром прибавил студент.

Офицер опять захохотал, а Раскольников вздрогнул. Как это было странно!

– Позволь, я тебе серьезный вопрос задать хочу, – загорячился студент. – Я сейчас, конечно, пошутил, но смотри: с одной стороны, глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому не нужная и, напротив, всем вредная, которая сама не знает, для чего живет, и которая завтра же сама собой умрет. Понимаешь? Понимаешь?

– Ну, понимаю, – ответил офицер, внимательно уставясь в горячившегося товарища.

– Слушай дальше. С другой стороны, молодые свежие силы, пропадающие даром без поддержки, и это тысячами,

¹⁷ То есть два аршина и восемь вершков. Аршин – старая русская мера длины, равная 0,71 м, вершок – старая мера длины, равная 4,4 см. При определении роста указывались только вершки, то есть рост свыше двух аршин.

и это всюду! Сто, тысячу добрых дел и начинаний, которые можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченные в монастырь! Сотни, тысячи, может быть, существований, направленных на дорогу; десятки семейств, спасенных от нищеты, от разложения, от гибели, от разврата, от венерических больниц, – и все это на ее деньги. Убей ее и возьми деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу: как ты думаешь, не загладится ли одно крошечное преступленье тысячами добрых дел? За одну жизнь – тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен – да ведь тут арифметика! Да и что значит на общих весах жизнь этой (чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь вши; таракана, да и того не стоит, потому что старушонка вредна. Она чужую жизнь заедает: она намередни Лизавете палец со зла укусила; чуть-чуть не отрезали!

– Конечно, она недостойна жить, – заметил офицер, – но ведь тут природа.

– Эх, брат, да ведь природу поправляют и направляют, а без этого пришлось бы потонуть в предрассудках. Без этого ни одного бы великого человека не было. Говорят: «долг, совесть», – я ничего не хочу говорить против долга и совести, – но ведь как мы их понимаем? Стой, я тебе еще задам один вопрос. Слушай!

– Нет, ты стой, я тебе задам вопрос. Слушай!

– Ну!

– Вот ты теперь говоришь и ораторствуешь, а скажи ты мне: убьешь ты сам старуху, или нет?

– Разумеется, нет! Я для справедливости... Не во мне тут и дело...

– А, по-моему, коль ты сам не решаешься, так нет тут никакой и справедливости! Пойдем еще партию!

Раскольников был в чрезвычайном волнении. Конечно, все это были самые обыкновенные и самые частые, не раз уже слышанные им, в других только формах и на другие темы, молодые разговоры и мысли. Но почему именно теперь пришлось ему выслушать именно такой разговор и такие мысли, когда в собственной голове его только что зародились... такие же точно мысли? И почему именно сейчас, как только он вынес зародыш своей мысли от старухи, как раз и попадает он на разговор о

старухе?.. Станным всегда казалось ему это совпадение. Этот ничтожный, трактирный разговор имел чрезвычайное на него влияние при дальнейшем развитии дела: как будто действительно было тут какое-то предопределение, указание...

1. Прочитайте фрагмент из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

2. Элементы какого стиля присутствуют в тексте?

3. Какими способами автор вводит межстилевые элементы? Чем мотивировано их употребление?

4. Установите функцию иностилевых включений в структуре художественного повествования.

Когда подписан был протокол, Николай Парфенович торжественно обратился к обвиняемому и прочел ему «постановление», гласившее, что такого-то года и такого-то дня, там-то, судебный следователь токого-то окружного суда, допросив такого-то (то есть Митю) в качестве обвиняемого в том-то и в том-то (все вины были тщательно прописаны), и принимая во внимание, что обвиняемый, не признавая себя виновным во взводимых на него преступлениях, ничего в оправдание свое не представил, а между тем свидетели (такие-то) его вполне уличают, руководствуясь такими-то и такими-то статьями «Уложения о наказаниях», и т.д. постановил: для пресечения такому-то (Мите) способов уклонения от следствия и суда, заключить его в такой-то тюремный замок, о чем обвиняемому объявить, а копию сего постановления товарищу прокурора сообщить и т.д., и т.д. Словом, Мите объявили, что он от сей минуты арестант и что повезут его сейчас в город, где и заключат в одно очень неприятное место. Митя, внимательно выслушав, вскинул только плечами.

1. Прочитайте отрывок из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя.

2. Какие лексические единицы Вы бы выделили в качестве ключевых в характеристике характера Манилова?

3. Как средства словообразовательного корневого повтора помогают создать художественную деталь, лежащую в основе образного впечатления?

4. Проследите, как используется прием сопоставления для создания данного образа.

Один Бог разве мог сказать, какой был характер Манилова. Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то ни се, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан, по словам пословицы. Может быть, к ним следует примкнуть и Манилова. На взгляд он был человек видный; черты лица его были не лишены приятности, но в эту приятность, казалось, чересчур было передано сахару; в приемах и оборотах его было что-то заискивающее расположения и знакомства. Он улыбался заманчиво, был белокур, с голубыми глазами. В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: «Какой приятный и добрый человек!» В следующую за тем минуту ничего не скажешь, а в третью скажешь: «Черт знает что такое!» – и отойдешь подальше; если ж не отойдешь, почувствуешь скуку смертельную. От него не дождешься никакого живого или хоть даже заносчивого слова, какое можешь услышать почти от всякого, если коснешься задирающего его предмета. У всякого есть свой задор: у одного задор обратился на борзых собак; другому кажется, что он сильный любитель музыки и удивительно чувствует все глубокие места в ней; третий мастер лихо пообедать; четвертый сыграть роль хоть одним вершком повыше той, которая ему назначена; пятый, с желанием более ограниченным, спит и грезит о том, как бы пройтись на гулянье с флигель-адъютантом, напоказ своим приятелям, знакомым и даже незнакомым; шестой уже одарен такою рукою, которая чувствует желание сверхъестественное заломить угол какому-нибудь бубновому тузу или двойке, тогда как рука седьмого так и лезет произвести где-нибудь порядок, подобраться поближе к личности станционного смотрителя или ямщиков, – словом, у всякого есть свое, но у Манилова ничего не было. Дома он говорил очень мало и большею частию размышлял и думал, но о чем он думал, тоже разве Богу было известно.

IV. Лексические средства языка в художественной речи на примерах произведений С. А. Есенина, А. И. Куприна, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, А. П. Чехова

1. Прочитайте стихотворение С. А. Есенина. Выпишите лексические повторы и установите их количество.

2. Есть ли здесь другие известные вам виды повторов?

3. Каковы, на ваш взгляд, функции установленных вами повторов в составе данного поэтического текста?

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Потому, что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий
Потому, что я с севера, что ли.

Я готов рассказать тебе поле,
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи –
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

1924

1. Найдите незнакомые вам слова в стихотворении С. А. Есенина. Как они называются?

2. Какова роль диалектизмов в данном тексте?

3. Можно ли понять из контекста значение всех диалектных слов?

4. *Выскажите свое мнение о границах свободы употребления диалектизмов в художественном тексте.*

5. *Сформулируйте вывод о культурологической значимости диалектизмов в творчестве поэта.*

В хате

Пахнет рыхлыми драченами;
У порога в дежке квас,
Над печурками точеными
Тараканы лезут в паз.

Вьется сажа над заслонкою,
В печке нитки попелиц,
А на лавке за солонкою –
Шелуха сырых яиц.

Мать с ухватами не сладится,
Нагибается низко,
Старый кот к махотке крадется
На парное молоко.

Квохчут куры беспокойные
Над оглоблями сохи,
На дворе обедню стройную
Запевают петухи.

А в окне на сени скатые,
От пугливой шумоты,
Из углов щенки кудлатые
Заползают в хомуты.

1. *Прочитайте отрывок из повести А. И. Куприна «Олеся». Найдите диалектные слова.*

2. *Какова, на ваш взгляд, функция диалектизмов в данном тексте?*

3. *Какой прием использует писатель, вводя в ткань произведения диалектную лексику?*

Мой слуга, повар и спутник по охоте – полесовщик Ярмола вошел в комнату, согнувшись под вязакой дров, сбросил ее с грохотом на пол и подышал на замерзшие пальцы.

– У, какой ветер, паныч, на дворе, – сказал он, садясь на корточки перед заслонкой. – Нужно хорошо в трубке протопить. Позвольте запалочку, паныч.

– Значит, завтра на зайцев не пойдем, а? Как ты думаешь, Ярмола?

– Нет... не можно... слышите, какая завируха? Заяц теперь лежит и – ни мур-мур... Завтра и одного следа не увидите.

Судьба забросила меня на целых шесть месяцев в глухую деревушку Волынской губернии, на окраину Полесья... «Полесье... глушь... лоно природы... простые нравы... первобытные натуры, – думал я, сидя в вагоне, – совсем незнакомый мне народ, со странными обычаями, своеобразным языком... и уж, наверно, какое множество поэтических легенд, преданий и песен!»

1. Прочитайте отрывок из повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат». Найдите в тексте незнакомые слова.

2. Какова, по-вашему, функция использования экзотизмов в данной повести?

Хаджи-Мурат этот был знаменитый своими подвигами наиб Шамиля, не выезжавший иначе, как со своим значком в сопровождении десятков мюридов, джигитовавших вокруг него. Теперь, закутанный в башлык и бурку, из-под которой торчала винтовка, он ехал с одним мюридом, стараясь быть как можно меньше замеченным, осторожно вглядываясь своими быстрыми черными глазами в лица попадавшихся ему по дороге жителей.

1. Прочитайте отрывок из повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат», выделите в нем прилагательные цвета.

2. Какую роль выполняют прилагательные цвета в этом отрывке?

Есть прелестный подбор цветов этого времени года: красные, белые, розовые, душистые, пушистые кашки; наглые маргаритки; молочно-белые с ярко-желтой серединой «лю-

бишь-не-любишь» с своей прелой пряной вонью, желтая су-репка с своим медовым запахом; высоко стоящие лиловые и белые тюльпановидные колокольчики; ползучие горошки; желтые, красные, розовые, лиловые, аккуратные скабиозы; с чуть розовым пухом и с чуть слышным приятным запахом подорожник; васильки, ярко-синие на солнце и в молодости и голубые и краснеющие вечером и под старость; и нежные с миндальным запахом, тот час же вянущие цветы повилики.

1. Прочитайте приведенный ниже отрывок из повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат», обратите внимание на использование прилагательных цвета.

2. Сопоставьте использование прилагательных цвета в данном и предыдущем отрывке.

3. Почему, в отличие от первого отрывка, здесь используется всего одно прилагательное со значением цвета? Какую, на ваш взгляд, идею выражает писатель?

Я шел наизволок по пыльной черноземной дороге. Вспаханное поле было помещичье, очень большое, так что с обеих сторон дороги и вперед в гору ничего не было видно, кроме черного, ровно взборожденного, еще не скороженного пара. Пахота была хорошая, и нигде по полю не виднелось ни одного растения, ни одной травки, – все было черно. «Экое разрушительное, жестокое существо человек, сколько уничтожил разнообразных живых существ, растений для поддержания своей жизни», – думал я, невольно отыскивая чего-нибудь живого среди этого мертвого черного поля.

1. Прочитайте отрывок из рассказа И. С. Тургенева «Бежин луг». Какие эпитеты, метафоры и сравнения дают образную картину июльского дня?

2. Найдите в тексте поэтические олицетворения. Какова их роль в рассказе?

3. Сравните, как используют прилагательные со значением цвета Л. Н. Толстой (смотрите предыдущие тексты) и И. С. Тургенев. В чем, на ваш взгляд, разница?

Был прекрасный июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась на-

долго. С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром: она разливается кротким румянцем. Солнце – не огнистое, не раскаленное, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветно лучезарное – мирно всплывает под узкой длинной тучкой, свежо просияет и погрузится в лиловый ее туман. Верхний, тонкий край растянутого облачка засверкает змейками; блеск их подобен блеску кованого серебра... Но вот опять хлынули играющие лучи, – и весело и величаво, словно взлетая, поднимается могучее светило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглых высоких облаков, золотисто-серых, с нежными белыми краями. Подобно островам, разбросанным по бесконечно разлившейся реке, обтекающей их глубоко прозрачными рукавами ровной синевы, они почти не трогаются с места; далее, к небосклону, они сдвигаются, теснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они так же лазурны, как небо: они все насквозь проникнуты светом и теплотой. Цвет небосклона, легкий, бледно-лиловый, не изменяется во весь день и кругом одинаков; нигде не темнеет, не густеет гроза, разве кое-где протянутся сверху вниз голубоватые полосы: то сеется едва заметный дождь. К вечеру эти облака исчезают; последние из них, черноватые и неопределенные, как дым, ложатся розовыми клубами напротив заходящего солнца; на месте, где оно закатилось так же спокойно, как спокойно возшло на небо, алое сиянье стоит недолгое время над потемневшей землей, и, тихо мигая, как бережно несомая свечка, затеплится на нем вечерняя звезда. В такие дни краски все смягчены; светлы, но не ярки; на всем лежит печать какой-то трогательной кротости. <...> В сухом и чистом воздухе пахнет полынью, сжатой рожью, гречихой; даже за час до ночи вы не почувствуете сырости. Подобной погоды желает земледелец для уборки хлеба.

1. Прочитайте отрывок из рассказа А. П. Чехова «Тоска». Как часто повторяется слово «снег» в отрывке? Почему?

2. Какие прилагательные цвета используются в рассказе? С какой целью автор употребляет именно эти слова?

3. Имеются ли в рассказе А. П. Чехова сравнения и метафоры? В чем особенность использования данных средств у этого автора?

4. Найдите в данном тексте просторечные слова. Какую функцию выполняет просторечная лексика в рассказе?

Кому повею печаль мою?

Вечерние сумерки. Крупный, мокрый снег лениво кружится около только что зажженных фонарей и тонким, мягким пластом ложится на крыши, лошадиные спины, плечи, шапки. Извозчик Иона Потапов весь бел, как привидение. Он согнулся, насколько только возможно согнуться живому телу, сидит на козлах и не шевельнется. Упади на него целый сугроб, то и тогда бы, кажется, он не нашел нужным стряхивать с себя снег... Его лошаденка тоже бела и неподвижна. Своею неподвижностью, угловатостью форм и палкообразной прямизною ног она даже вблизи похожа на копеечную пряничную лошадку. Она, по всей вероятности, погружена в мысль. Кого оторвали от плуга от привычных, серых картин и бросили сюда в этот омут, полный чудовищных огней, неутомонного треска и бегущих людей, тому нельзя не думать...

Иона и его лошаденка не двигаются с места уже давно. Выехали они со двора еще до обеда, а почина все нет и нет. Но вот на город спускается вечерняя мгла. Бледность фонарных огней уступает свое место живой краске, и уличная суматоха становится шумнее.

– Извозчик, на Выборгскую! – слышит Иона. – Извозчик!

Иона вздрагивает и сквозь ресницы, облепленные снегом, видит военного в шинели с капюшоном.

– На Выборгскую! – повторяет военный. – Да ты спишь, что ли? На Выборгскую!

В знак согласия Иона дергает вожжи, отчего со спины лошади и с его плеч сыплются пласты снега... Военный садится в сани. Извозчик чмокает, губами, вытягивает по-лебединому шею, приподнимается и больше по привычке, чем по нужде, машет кнутом. Лошаденка тоже вытягивает шею, кривит свои палкообразные ноги и нерешительно двигается с места...

– Куда прешь, леший! – на первых же порах слышит Иона возгласы из темной, движущейся взад и вперед массы. – Куда черти несут? – Пррава держи! – сердится военный.

Бранится кучер с кареты, злобно глядит и стряхивает с рукава снег прохожий, перебежавший дорогу и налетевший

плечом на морду лошаденки. Иона ерзает на козлах, как на иголках, тыкает в стороны локтями и водит глазами, как угорелый, словно не понимает, где он и зачем он здесь.

– Какие все подлецы! – острит военный. – Так и норовят, столкнуться с тобой или под лошадь попасть. Это они сговорились.

Иона оглядывается на седока и шевелит губами... Хочет он, по-видимому, что-то сказать, но из горла не выходит ничего, кроме сипенья.

– Что? – спрашивает военный.

Иона кривит улыбкой рот, напрягает свое горло и сипит:

– А у меня, барин, тово... сын на этой неделе помер.

– Гм!.. Отчего же он умер?

Иона оборачивается всем туловищем к седоку и говорит:

– А кто ж его знает! Должно, от горячки... Три дня пролежал в больнице и помер... Божья воля.

– Сворачивай, дьявол! – раздается в потемках. – Пovýлазило, что ли, старый пес? Гляди глазами!

– Поезжай, поезжай... – говорит седок. – Этак мы и до завтра не доедем. Подгони-ка!

Извозчик опять вытягивает шею, приподнимается и с тяжелой грацией взмахивает кнутом. Несколько раз потом оглядывается он на седока, но тот закрыл глаза и, по-видимому, не расположен слушать. Высадив его на Выборгской, он останавливается у трактира, сгибается на козлах и опять не шевельнется... Мокрый снег опять красит набело его и лошаденку.

V. Синтаксис художественной речи на примерах произведений Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя, И. А. Бунина, А. П. Чехова

1. Прочитайте отрывок из повести Л. Н. Толстого «Детство». Выделите ряд синонимических слов и устойчивых сочетаний, имеющих в отрывке.

2. Как прием градации помогает автору передать проявление эмоций?

3. Вспомните, в чем состоит прием синтаксического параллелизма. Проследите, используется ли он в данном тексте?

В тот день, во время катанья, мы с Любочкой находимся почему-то в том особенно веселом расположении духа, в котором каждый простой случай, каждое слово, каждое движение заставляет смеяться. Разносчик, схватившись за лоток, рысью перебегает через дорогу, и мы смеемся. Оборванный ванька галопом, помахивая концами вожжей, догоняет наши сани, и мы хохочем. У Филиппа зацепился кнут за полоз саней, он, оборачиваясь, говорит: «Эхма!», и мы помираем со смеху. Мими с недовольным видом говорит, что только глупые смеются без причины, и Любочка, вся, краснея от напряжения сдержанного смеха, исподлобья смотрит на меня. Глаза наши встречаются, и мы заливаемся таким гомерическим хохотом, что у нас на глазах слезы, и мы не в состоянии удержать порывов смеха, который душит нас. Только мы немного успокаиваемся, я взглядываю на Любочку и говорю заветное словечко, которое у нас в моде с некоторого времени, и мы снова заливаемся.

- 1. Прочитайте отрывок из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя.*
- 2. Выпишите слова-антонимы из данного текста.*
- 3. Рассмотрите, как автор использует прием синтаксического параллелизма.*
- 4. На каких языковых уровнях проявляется прием контраста?*
- 5. С какой целью, на ваш взгляд, этот прием используется Н. В. Гоголем?*

Мужчины здесь, как и везде, были двух родов: одни тоненькие, которые все увивались около дам; некоторые из них были такого рода, что с трудом можно было отличить от петербургских... Другой род мужчин составляли толстые или такие же как Чичиков... Эти, напротив того, косились и пятились от дам... Лица у них были полные и круглые, на иных даже были бородавки... Тоненькие служат больше по особнным поручениям... Толстые же никогда не занимают косвенных мест, а все прямые... У тоненького в три года не останется ни одной души... У толстого спокойно, глядь, и явился где-нибудь в конце города дом... Толстый оставляет службу, перебирается и делается помещиком... А после него опять тоненькие наследники спускают, по русскому обычаю, на курьерских все отцовское добро.

1. Прочитайте фрагмент из романа И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева».

2. Вспомните стилистические приемы «экспрессивного синтаксиса».

3. Какие из них можно наблюдать в приведенном фрагменте?

4. Верно ли, по-вашему, утверждение что проза И. А. Бунина близка к поэзии?

5. Можно ли говорить о «стихотворности» прозы И. А. Бунина?

Самое первое воспоминание мое есть нечто ничтожное, вызывающее недоумение. Я помню большую, освещенную предосенним солнцем комнату, его сухой блеск над косогором, видным в окно, на юг... Только и всего, только одно мгновение! Почему именно в этот день и час, именно в эту минуту и по такому пустому поводу впервые в жизни вспыхнуло мое сознание столь ярко, что уже явилась возможность действия памяти? И почему тотчас же после этого снова надолго погасло оно?

Младенчество свое я вспоминаю с печалью. Каждое младенчество печально: скуден тихий мир, в котором грезит жизнью еще не совсем пробудившаяся для жизни всем и всему еще чуждая, робкая и нежная душа. Золотое, счастливое время! Нет, это время несчастное, болезненно-чувствительное, жалкое.

Может быть, мое младенчество было печальным в силу некоторых частных условий? В самом деле, вот хотя бы то, что рос я в великой глуши. Пустынные поля, одинокая усадьба среди них... Зимой безграничное снежное море, летом – море хлебов, трав и цветов... И вечная тишина этих полей, их загадочное молчание... Но грустит ли в тишине, в глуши какой-нибудь сурок, жаворонок? Нет, они ни о чем не спрашивают, ничему не дивятся, не чувствуют той сокровенной души, которая всегда чудится человеческой душе в мире, окружающем ее, не знают ни зова пространств, ни бега времени. А я уже и тогда знал все это. Глубина неба, даль полей говорили мне о чем-то ином, как бы существующем помимо их, вызывали мечту и тоску о чем-то недостающем, трогали непонятной любовью и нежностью непонятно к кому и чему...

Где были люди в это время? Поместье наше называлось хутором, – хутор Каменка, – главным имением нашим считалось Задонское, куда отец уезжал часто и надолго, а на хуторе

хозяйство было небольшое, дворня малочисленная. Но все же, люди были, какая-то жизнь все же шла. Были собаки, лошади, овцы, коровы, работники, были кучер, староста, стряпухи, скотницы, няньки, мать и отец, гимназисты – братья, сестра Оля, еще качавшаяся в люльке... Почему же остались в моей памяти только минуты полного одиночества?

1. Прочитайте отрывок из рассказа А. П. Чехова «Спать хочется». Обратите внимание на заглавие. Определите тип предложения по наличию главных членов.

2. Почему автор предпочитает данный тип синтаксической конструкции?

3. Найдите примеры лексического и словообразовательного корневого повтора. Для чего автор использует данный прием?

4. Каковы особенности употребления метафоры в данном тексте?

Спать хочется

Ночь. Нянька Варька, девочка лет тринадцати, качает колыбель, в которой лежит ребенок, и чуть слышно мурлычет:

Баю-баюшки-баю

А я песенку спою...

Перед образом горит зеленая лампадка; через всю комнату от угла до угла тянется веревка, на которой висят пеленки и большие черные панталоны. От лампадки ложится на потолок большое зеленое пятно, а пеленки и панталоны бросают длинные тени на печку, колыбель, на Варьку... Когда лампадка начинает мигать, пятно и тени оживают и приходят в движение, как от ветра. Душно. Пахнет щами и сапожным товаром.

Ребенок плачет. Он давно уже осип и изнемог от плача, но вот еще кричит, и неизвестно, когда он уймется. А Варьке хочется спать. Глаза ее слипаются, голову тянет вниз, шея болит. Она не может шевельнуть ни веками, ни губами, и ей кажется, что лицо ее высохло и одеревенело, что голова стала маленькой, как булавочная головка.

– Баю-баюшки-баю, – мурлычет она, – тебе кашки наварю...

В печке кричит сверчок. В соседней комнате, за дверью, похрапывают хозяин и подмастерье Афанасий... Колыбель жалобно скрипит, сама Варька мурлычет – и все это сливается в

ночную, убаюкивающую музыку, которую так сладко слушать, когда ложишься в постель. Теперь же эта музыка только раздражает и гнетет, потому что она вгоняет в дремоту, а спать нельзя; если Варька, не дай Бог, уснет, то хозяева прибьют ее.

Лампадка мигает. Зеленое пятно и тени приходят в движение, лезут в полуоткрытые, неподвижные глаза Варьки, и в ее наполовину уснувшем мозгу складываются в туманные грезы. Она видит темные облака, которые гоняются друг за другом по небу и кричат, как ребенок. Но вот подул ветер, пропали облака, и Варька видит широкое шоссе, покрытое жидкою грязью; по шоссе тянутся обозы, плетутся люди с котомками на спинах, носятся взад вперед какие-то тени; по обе стороны сквозь холодный, суровый туман видны леса. Вдруг люди с котомками и тенями падают на землю в жидкую грязь. «Зачем это?» – спрашивает Варька. – «Спать, спать!» – отвечают ей. И они засыпают крепко, спят сладко, а на телеграфных проволоках сидят вороны и сороки, кричат, как ребенок, и стараются разбудить их.

– Баю-баюшки-баю, а я песенку спою... – мурлычет Варька и уже видит себя в темной, душной избе.

На полу ворочается ее покойный отец Ефим Степанов. Она не видит его, но слышит, как он катается от боли по полу и стонет. У него, как он говорит, «разыгралась грыжа». Боль так сильна, что он не может выговорить ни одного слова и только втягивает в себя воздух и отбивает зубами барабанную дробь:

– Бу-бу-бу-бу...

Мать Пелагея побежала в усадьбу к господам сказать, что Ефим помирает. Она давно уже ушла, и пора бы ей вернуться. Варька лежит на печи, не спит и прислушивается к отцовскому «бу-бу-бу». Но вот слышно, кто-то подъехал к избе. Это господа прислали молодого доктора, который приехал к ним из города в гости. Доктор входит в избу; его не видно в потемках, но слышно, как он кашляет и щелкает дверью.

– Засветите огонь, – говорит он.

– Бу-бу-бу... – отвечает Ефим.

Пелагея бросается к печке и начинает искать черепок со спичками. Проходит минута в молчании. Доктор, порывшись в карманах, зажигает свою спичку.

– Сейчас, батюшка, сейчас, – говорит Пелагея, бросается вон из избы и немного погодя возвращается с огарком.

Щеки у Ефима розовые, глаза блестят и взгляд как-то особенно остр, точно Ефим видит насквозь и избу и доктора.

– Ну, что? Что ты это вздумал? – говорит доктор, нагибаясь к нему. – Эге! Давно ли это у тебя?

– Чего-с? Помирать, ваше благородие, пришло время... Не быть мне в живых...

– Полно вздор говорить... Вылечим!

– Это как вам угодно, ваше благородие, благодарим покорно, а только мы понимаем... Коли смерть пришла, что уж тут.

Доктор с четверть часа возится с Ефимом; потом поднимается и говорит:

– Я ничего не могу поделаться... Тебе нужно в больницу ехать, там тебе операцию сделают. Сейчас же поезжай... Непременно поезжай! Немножко поздно, в больнице все уже спят, но это ничего, я тебе записочку дам. Слышишь?

– Батюшка, да на чем же он поедет? – говорит Пелагея. – У нас нет лошади.

– Ничего, я попрошу господ, они дадут лошадь.

Доктор уходит, свеча тухнет, и опять слышится «бу-бу-бу»... Спустя полчаса к избе кто-то подъезжает. Это господа прислали тележку, чтобы ехать в больницу. Ефим собирается и едет...

Но вот наступает хорошее, ясное утро. Пелагеи нет дома: она пошла в больницу узнать, что делается с Ефимом. Где-то плачет ребенок, и Варька слышит, как кто-то ее голосом поет:

– Баю-баюшки-баю, а я песенку спою...

Возвращается Пелагея; она крестится и шепчет:

– Ночью вправили ему, а к утру богу душу отдал... Царство небесное, вечный покой... Сказывают, поздно захватили... Надо бы раньше...

Варька идет в лес и плачет там, но вдруг кто-то бьет ее по затылку с такой силой, что она стучается лбом о березу. Она поднимает глаза и видит перед собой хозяина-сапожника.

– Ты что же это, паршивая? – говорит он. – Дите плачет, а ты спишь?

Он больно треплет ее за ухо, а она встряхивает головой, качает колыбель и мурлычет свою песню. Зеленое пятно и тени от панталон и пеленок колеблются, мигают ей и скоро опять овладевают ее мозгом. Опять она видит шоссе, покрытое жид-

кой грязью. Люди с котомками на спинах и тени разлеглись и крепко спят. Глядя на них, Варьке страстно хочется спать; она легла бы с наслаждением, но мать Пелагея идет рядом и торопит ее. Обе они спешат в город наниматься.

– Подайте милостынки Христа ради! – просит мать у встреченных. – Явите божескую милость, господа милосердные!

– Поддай сюда ребенка! – отвечает ей чей-то знакомый голос. – Поддай сюда ребенка! – повторяет тот же голос, но уже сердито резко. – Спишь, подлая?

Варька вскакивает и, оглядевшись, понимает, в чем дело: нет шоссе, ни Пелагеи, ни встречных, а стоит посреди комнаты только хозяйка, которая пришла покормить своего ребенка, толстая, плечистая хозяйка кормит и унимает ребенка, Варька стоит, глядит на нее и ждет, когда она кончит. А за окнами уже синее небо, тени и зеленое пятно на потолке заметно бледнеют. Скоро утро.

– Возьми! – говорит хозяйка, застегивая на груди сорочку. – Плачет. Должно, сглазили.

Варька берет ребенка, кладет его в колыбель и опять начинает качать. Зеленое пятно и тени мало-помалу исчезают, и уж некому лезть в ее голову и туманить мозг. А спать хочется по-прежнему, ужасно хочется! Варька кладет голову на край колыбели и качается всем туловищем, чтобы пересилить сон, но глаза все-таки слипаются, и голова тяжела.

– Варька, затопи печку! – раздается за дверью голос хозяина.

Значит, уже пора вставать и приниматься за работу. Варька кольшет колыбель и бежит в сарай за дровами. Она рада. Когда бегаешь и ходишь, спать уже не так хочется, как в сидячем положении. Она приносит дрова, топит печь и чувствует, как расправляется ее одеревеневшее лицо и как проясняются мысли.

– Варька, поставь самовар! – кричит хозяйка. Варька колет лучину, но едва успевает зажечь их и сунуть в самовар, как слышится новый приказ:

– Варька, почисть хозяину калоши!

Она садится на пол, чистит калоши и думает, что хорошо бы сунуть голову в большую, глубокую калошу и подремать в ней немножко... И вдруг калоша растет, пухнет, наполняет собою всю комнату, Варька роняет щетку, но тотчас же встряхивает головой, пучит глаза и старается глядеть так, чтобы предметы не росли и не двигались в ее глазах.

– Варька, помой снаружи лестницу, а то от заказчиков совестно!

Варька моет лестницу, убирает комнаты, потом топит дровяную печь и бежит в лавочку. Работы много, нет ни одной минуты свободной.

Но ничто так не тяжело, как стоять на одном месте перед кухонным столом и чистить картошку. Голову тянет к столу, картошка рябит в глазах, нож валится из рук, а возле ходит толстая, сердитая хозяйка с засученными рукавами и говорит так громко, что звенит в ушах. Мучительно также прислуживать за обедом, стирать, шить. Бывают минуты, когда хочется, ни на что не глядя, повалиться на пол и спать.

День проходит. Глядя, как темнеют окна, Варька сжимает себе деревенеющие виски и улыбается, сама не зная, чего ради. Вечерняя мгла ласкает ее слипающиеся глаза и обещает ей скорый, крепкий сон. Вечером к хозяевам приходят гости.

– Варька, ставь самовар! – кричит хозяйка.

Самовар у хозяев маленький, и, прежде чем гости напиваются чаю, приходится подогревать его раз пять. После чаю Варька стоит целый час на одном месте, глядит на гостей и ждет приказаний.

– Варька, сбегай купи три бутылки пива!

Она срывается с места и старается бежать быстрее, чтобы прогнать сон.

– Варька, сбегай за водкой! Варька, где штопор? Варька, почисти селедку! Но вот, наконец гости ушли; огни тушатся, хозяева ложатся спать.

– Варька, покачай ребенка! – раздается последний приказ.

В печке кричит сверчок; зеленое пятно на потолке и тени от панталон и пеленок опять лезут в полуоткрытые глаза Варьки, мигают и туманят ей голову.

– Баю-баюшки-баю, – мурлычет она, – а я песенку спою...

А ребенок кричит и изнемогает от крика. Варька видит опять грязное шоссе, людей с котомками, Пелагею, отца Ефима. Она все понимает, всех узнает, но сквозь полусон она не может только никак понять той силы, которая сковывает ее по рукам и по ногам, давит ее и мешает ей жить. Она оглядывается, ищет эту, чтобы избавиться от нее, но не находит. Наконец, измучившись, она напрягает все свои силы и зрение, глядит вверх на мигающее зеленое пятно и, прислушавшись к крику, находит мешающего ей жить.

Этот враг – ребенок.

Она смеется. Ей удивительно: как это раньше она не могла понять такого пустяка? Зеленое пятно, тени и сверчок тоже, кажется, смеются и удивляются.

1. Прочитайте приведенную ниже статью об особенностях синтаксиса в произведениях Ф. М. Достоевского.

2. Дополните статью своими примерами из произведений автора.

Синтаксис произведений Достоевского

Существует мнение, что язык Достоевского по сравнению с языком Толстого и Тургенева проигрывает в живописности. Однако у Достоевского своя манера изображения. Он незаметными на первый взгляд ускорениями и замедлениями, ритмом, паузами помогает нам ощутить невидимое, подспудное движение жизни. Тон произведений писателя внешне не красочный, но в этом-то и заключается «музыка» мира Достоевского. Он красочен другим: грандиозными страстями, мыслями, перепадами настроений. В основе его сюжета всегда сенсационное происшествие, горячий спор, в персонаже главное – его идея жизни. «В поэзии нужна страсть, нужна ваша идея и непременно указующий перст, страстно поднятый. Безразличное же и реальное воспроизведение действительности ровно ничего не стоит, а главное – ничего не значит». Страстная устремленность к истине делает писателя психологом-ясновидцем, реалистом в высшем смысле.

Сохранились интересные свидетельства современников о том, насколько внимателен был Достоевский к пунктуации в своих сочинениях: «У каждого автора свой слог, и поэтому своя собственная грамматика... Мне нет никакого дела до чужих правил! Я ставлю запятую перед «что» там, где она мне нужна, а где я чувствую, что не надо перед «что» ставить запятую, там я не хочу, чтобы мне ее ставили!». «Вы имейте в виду, что у меня нет ни одной лишней запятой, все необходимые только: прошу не прибавлять и не убавлять их у меня».

Например, автор ставит запятые перед союзами «и» и «или», между однородными членами. Выделяет запятыми отдельные обстоятельства, которым он придавал особый смысл.

И наоборот, не выделяет вводные слова и выражения, в его синтаксисе они часто играют роль не вводных слов, а значимых и даже ударных. Так же без запятых вводятся у Достоевского нераспространенные сравнения. Не выделяет он и одиночные деепричастия.

В ряду стилистических средств выражения значительности высказываемой мысли находятся приемы умолчаний, намеков, которые создают атмосферу чего-то непостижимого, рокового. Эти приемы обычно проявляются в местах прямой или несобственно-прямой речи персонажей. Формально они выражаются курсивом или кавычками.

Часты приемы обрыва речи как средства выражения сильного волнения, глубоких переживаний говорящего. Грамматически этот прием выражается недостаточным предложением, а на письме – многоточием.

Авторская тенденция – подчеркнуть неопределенность и таинственность силы, руководящей судьбой и поступками человека – реализуется в широком использовании синтаксических конструкций с устраненным субъектом. В роли подлежащего часто можно наблюдать неопределенные местоимения. Безличные предложения у Достоевского – это средство выразить неопределенность субстанции, непостижимость, фатальность мистических сил. Безличных предложений у Достоевского очень много. Он использует безличное предложение даже там, где оно не укладывается в нормы строго литературной речи («ему стукнуло»). Названные выше конструкции могут сосуществовать в одном и том же предложении, например: «Последний день, так нечаянно наступивший и все разом порешивший, подействовал на него почти совсем механически: как будто кто-то взял его за руку и потянул за собой, неотразимо, слепо, с неестественной силой, без возражений, точно он попал клочком одежды в колесо машины, и его начало в нее втягивать».

Для выражения указанной тенденции в роли подлежащего иногда выступает существительное, выражающее отвлеченное понятие (мысль, желание, идея). При этом действие, выраженное личным глаголом, имеет метафорическое значение. Личная конструкция становится семантически адекватна безличной. («И каким образом мысль идти к Разумихину залетела мне именно теперь в голову?»).

Закономерны как реализация творческого замысла Достоевского и многочисленные конструкции с противительными и уступительными союзами. Этого рода конструкциями выражается неосуществленное действие, которому помешали некие роковые силы, таинственные и непреодолимые. Обилие сложносочиненных предложений типа «хотел было, но...», «пошел, но...» и т.п. с уступительным значением характерно для стиля Достоевского. Сложносочиненное предложение Достоевский использует чаще чем сложно-подчиненное.

В языке романов Достоевского обращает на себя внимание обилие и специфическая функция вводных слов. Они способствуют характеристике смятенного душевного состояния героев, помогают выразить их сомнения и неуверенность. Это слова «впрочем», «однако» и другие.

Важной составляющей синтаксиса Достоевского является неполное предложение. Незавершенность этих предложений иногда побуждает самого говорящего или его собеседника как бы замкнуть их, снять напряжение, создаваемое экспрессивным эллипсисом.

Языку произведений Достоевского свойственны объектные сочетания придаточного, оформленного союзом «чтобы» с однородным ему членом предложения. Эти сочетания зависят от глаголов, реже от существительных со значением желания или волеизъявления (см. «Дневник писателя»: «Он читал хорошо, говорят, очень любил читать вслух и чтобы все его слушали»).

«Достоевский и Толстой – два величайших гения: силою своих талантов они потрясли весь мир, они обратили на Россию изумленное внимание всей Европы, и оба встали, как равные, в великие ряды людей, чьи имена – Шекспир, Данте, Сервантес, Руссо и Гете» (М. Горький).

1. Прочитайте статью о синтаксисе Л. Н. Толстого.

2. Приведите собственные примеры, иллюстрирующие особенности синтаксиса писателя.

Особенности синтаксиса произведений Л. Н. Толстого

Синтаксис Толстого, как говорит В. В. Виноградов, изобразителен. Высказывание нередко растягивается в длинный

период. Элементы его, присоединяясь друг к другу и сцепляясь, символизируют своей конструкцией не только общий ход мысли, но и ее экспрессивные оттенки и связанные с нею ассоциации. Вот характерный пример присоединительно-противительного периода, рисующий столкновение противоречивых событий, набегание их одно на другое: «События и время не ждут... Ему надо сейчас, сию минуту отдать приказание... И вслед за адъютантом интендант спрашивает, куда везти провиант, а начальник гошпиталей – куда везти раненых; а курьер из Петербурга привозит письмо государя, не допускающее возможности оставить Москву, а соперник главнокомандующего, тот, кто подкапывается под него (такие всегда есть и не один, а несколько), предлагает новый проект, диаметрально противоположный плану выхода на Калужскую дорогу; а силы самого главнокомандующего требуют сна и подкрепления; а обойденный наградой почтенный генерал приходит жаловаться, а жители умоляют о защите...». Л. Н. Толстой стремился показывать людей во «всей подробности мыслей и чувств», раскрывать «диалектику» души. Эта внутренняя установка писателя обусловила столь характерные для него внешне очень сложные, но чрезвычайно точные по смыслу фразы. Он не останавливается перед тем, чтобы в одной фразе передать психологическое состояние двух людей, если состояния этих людей были взаимно обусловлены и вследствие этого не могли быть оторваны друг от друга. Например, в «Анне Карениной»: «Это было раздражение внутреннее, имевшее для нее основанием уменьшение его любви, для него раскаяние в том, что он поставил себя ради нее в тяжелое положение, которое она, вместо того, чтобы облегчить, делает еще более тяжелым».

Прием сочетания противоречий, принцип охвата явления во всей его комплексной полноте ведут к своеобразному анафорическому построению сложных периодов в зачине или в конце развития какой-нибудь темы, или при обобщенном изображении какого-нибудь события, а также в характеристических описаниях. Обычно в одной части периода – по принципу присоединительно-анафорического накопления и сцепления образуется цепь однородных придаточных предложений; в другой – по принципу антитезы – чаще всего коротко, лаконически, как бы отрывисто обозначается тема, делается

вывод или описывается контрастирующее с предшествующим изложением событие. Например: «Несмотря на то, что войска были раздеты, изнурены, на одну треть ослаблены отсталыми, ранеными, убитыми и больными; несмотря на то, что на той стороне Дуная были оставлены больные и раненые с письмом Кутузова, поручавшим их человеколюбию неприятеля; несмотря на то, что большие госпитали и дома в Кремсе, обращенные в лазареты, не могли уже вмещать в себя всех больных и раненых, – несмотря на все это, остановка при Кремсе и победа над Мортве значительно подняли дух войска».

В метафизическом стиле «Войны и мира» логический строй рассуждения нередко осложняется также развернутыми аналогиями, сравнениями или прерывается серией патетических вопросов, образующих восходящую лестницу анафорических конструкций.

Изображение мелькающих и непрестанно сменяющихся в сознании смутных мыслей, переживаний и видений связано с частым употреблением разделительно-перечислительного периода, члены которого вводятся посредством повторяющихся союзов «то-то» (с соблюдением симметрического анафоризма). Например, «Ростову то казалось, что Богданыч только притворяется невнимательным, и что вся цель его теперь состоит в том, чтобы испытать храбрость юнкера, и он выпрямлялся и весело оглядывался; то ему казалось, что Богданыч нарочно едет близко, чтобы показать Ростову свою храбрость. То ему думалось, что враг его теперь нарочно пошлет эскадрон в отчаянную атаку, чтобы наказать его, Ростова. То думалось, что после атаки он подойдет к нему и великодушно протянет ему, раненому, руку примирения».

«Стремление к «характерности», точности, комплексной полноте, логической определенности и последовательности изложения в языке Толстого ломает условные преграды «красивости слога», запретное скопление относительных слов и однородных союзов, вроде «который», «что», в соседних предложениях принято Толстым в норму его синтаксической системы». (Т.1, – С. 145).

Скопление подряд нескольких союзов «что», из которых часто один следственный (так что) обусловлено тенденцией к точному воспроизведению последовательности как бы включенных одна в другую мыслей или эмоций. Например, в «Вой-

не и мире»: «Полковому командиру так хотелось сделать это, так он жалел, что не успел этого сделать, что ему казалось, что все это точно было»; «Он был так занят целые дни, что не успевал подумать о том, что он ничего не думал».

Конечно, и независимо от связи с следственным союзом «так что», может образоваться цепь изъяснительных союзов «что». Чаще всего и в этом случае возникает система последовательных включений логических изъяснений, чувств и мыслей друг в друга. Например, «Она только повторила, что просит его забыть то, что она сказала, что она не помнит, что она сказала, и что у нее нет горя, кроме того, которое он знает – горя о том, что женитьба князя Андрея угрожает поссорить отца с сыном».

Такая же последовательная цепь относительных конструкций с союзным словом «который» не менее характерна для языка Толстого. Например, «Теперь осуществлялись и воплощались те неясные либеральные мечтания, с которыми вступил на престол император Александр, и которые он стремился осуществить с помощью своих помощников Чарторижского, Новосильцева, Кочубея и Строганова, которых он сам шутя называл...».

Словарь лингвистических терминов

Аббревиатура (итал. *Abbreviatura* от лат. *Brevis* – краткий) – сложносокращенное слово.

Активный и пассивный лексический фонд языка (ядро и периферия) – это лексические пласты, противопоставленные по степени актуальности и широте использования в речи. В активный фонд языка (ядро) входят слова, понятные всем говорящим на данном языке и находящиеся в постоянном употреблении. На периферии (в пассивном фонде) находятся слова, понятные большинству людей, но малоупотребительные или вышедшие из употребления. Это неологизмы, историзмы, архаизмы, диалектизмы.

Актуализированные слова – слова, ранее употреблявшиеся в речи, но после революции отошедшие в пассивный фонд языка. Сегодня эти слова опять вошли в широкое употребление, например, *дума, губернатор* и т.п.

Амфиболия – (греч. *Amphibolia* – двойственность, двусмысленность) – ненамеренная двусмысленность, возникающая в речи. Амфиболия чаще всего возникает при построении предложения: из-за определенного порядка слов (например, в предложении *Мать любит дочь* каждое существительное может называть и субъект действия и объект), сочетания морфологических форм (например, в словосочетании *Обучение журналистов* слово в родительном падеже может обозначать и субъект действия – журналисты кого-то обучают, и объект – кто-то обучает журналистов), двоякого соотнесения местоимения. Иногда амфиболию используют как стилистический прием, например в предложении *Казнить нельзя помиловать* смысл проявляется только при постановке запятой. То же мы наблюдаем в названии поэтического сборника Б. Пастернака «Сестра моя жизнь».

Анафора (единоначатие) – фигура речи, стоящая в повторении начальных частей (слова, словосочетания, предложения) двух или более относительно самостоятельных отрезков речи. Например: *Жди меня, и я вернусь. Только очень жди... Жди, когда наводят грусть Желтые дожди, Жди, когда снега метут, Жди, когда жара, Жди, когда других не ждут, Позабыв вчера* (К. Симонов). Анафоре по позиции элементов противоположна эпифора.

Антитеза – фигура речи, основывающаяся на антонимии и параллелизме конструкции, при которой осуществляется контрастное противопоставление предметов, признаков, явлений. Например: *Не по хорошу мил, а по милу хорош. Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.*

Архаизмы – это слова, называющие существующие предметы и понятия, но вытесненные из активного употребления синонимами. Архаизмы продолжают существовать в языке как стилистическое средство, например как разновидность высокой лексики: *золото и злато, палец и перст, молодость и младость.*

Бессоюзи – фигура речи, противоположная многосоюзию, заключающаяся в намеренном пропуске сочинительных союзов. Например: *Мелькают мимо будки, бабы, Мальчишки, лавки, фонари, дворцы, сады, монастыри, Бухарцы, сани, огороды, Купцы, лачужки, мужики, Бульвары, башни, казаки, Аптеки, магазины моды, Балконы, львы на воротах* (А. С. Пушкин).

Варваризмы – иностранные слова, вкрапленные в русский текст: «Эрмитаж» капут? Зер гут!» Варваризмы не называют никаких нерусских предметов, явлений, понятий, поэтому их легко можно перевести на русский язык.

Выбор слова – уместное использование слова в контексте с точки зрения его семантики, стилистической окраски и стилевой принадлежности. Выбор слова включает проблему мотивированного использования конкретного синонима из синонимического ряда, антонима из антиномической пары, термина, жаргонизма, фразеологизма и других лексических средств.

Включение деепричастного оборота в пассивную конструкцию – стилистическая ошибка, при которой деепричастный оборот включается в пассивную конструкцию, что ведет к двусмысленности высказывания. Например: *Намечая планы, были высказаны различные соображения.*

Гипербола – троп, состоящий в намеренном преувеличении свойств предмета ли явления. Например: *До смерти надоел!*

Градация – фигура речи, в основе которой лежит синонимия. Синонимы или (квазисинонимы) объединяются в один ряд так, что каждый последующий синоним усиливает выразительность предыдущего: *Кто-то зарабатывает гроши, кто-то больше, но не зарабатывает, а прилучает, берет, хватает, рвет.*

Двойная зависимость форм управления – стилистическая ошибка, при которой два слова, требующие различных падежей, управляют одной словоформой. Например: *Глава администрации распределяет и управляет имуществом и финансами* (распределяет – что?, управляет чем?).

Диалектизмы – характерные для территориальных диалектов языковые особенности, включаемые в литературную речь. Диалектизмы в потоке литературной речи рассматриваются как отступления от языковой нормы. Различаются фонетические ([снех] вместо [снег]), грамматические (*Приехал с Москвы*), словообразовательные («телюк», вместо «теленюк») и лексические диалектизмы («кочет» вместо «петух»). Особую разновидность лексических диалектизмов составляют этнографизмы.

Заемствование – это переход элементов одного языка в другой как результат взаимодействия этих языков: *ксерокс, парламент, маргинал*. Заемствованные слова осваиваются заимствующим языком, приспосабливаются к его особенностям: *очаг* (тюрк.), *пальто* (фр.), *эхо* (греч.) Особую группу заимствованных слов составляют неосвоенные слова, среди которых различают экзотизмы и варваризмы.

Зевгма – фигура речи, цель которой – создание юмористического эффекта за счет «неоднородности» однородных членов предложения. Например: *Моя жена говорит по-французски и по телефону*. Зевгмой называют также прием пропуска однородных однотипно оформленных членов предложения. Например: *Один писатель пишет романы на компьютере, другой – на пишущей машинке, третий – от руки*.

Жаргонизмы – это слова и выражения жаргонной речи, используемые за ее пределами. Жаргон – это особый язык некоторой ограниченной профессиональной или социальной группы, используемый обычно для отделения группы от остальной части общества. Различают воровской жаргон, армейский, компьютерный, студенческий и т.п. Например, молодежное *шнурки в стакане* означает *родители дома, клево – хорошо*.

Инверсия (обратный порядок слов) – изменение обычного расположения слов в предложении (синтаксическая функция членов предложения не меняется). В результате переставленный элемент выделяется и в смысловом, и в стилистическом плане. Например: *Он человек умный; Она вечером придет;*

Он о встрече рассказывает. Наибольшая смысловая нагрузка приходится на слова, стоящие в начале или конце предложения. Неоправданная инверсия может привести к стилистической ошибке, искажению смысла фразы или двусмысленности. Например: *Все прилегающие территории убирают несколько человек; Магнит провел презентацию коллекции одежды для женщин сезона 1999–2000 года.*

Интернационализмы – особая группа иноязычной лексики. Это слова общего происхождения (часто греческие и латинские), существующие во многих языках в одних и тех же значениях, но оформленные в соответствии с фонетическим и морфологическим обликом заимствующего языка. Среди них много специальных терминов, относящихся к разным отраслям науки и техники, например: *оксюморон, биология, ларингит.*

Ирония (от греч. *Eironeia* – притворство) – троп, заключающийся в намеренном употреблении слов, словосочетаний, предложений или более крупных отрезков текста в смысле, абсолютно противоположном буквальному. Ироническая окраска текста принимается читающим или слушающим за счет владения фоновыми знаниями (знанием ситуации, культурных или иных реалий), а также с помощью инновационных или иных способов подчеркивания автором противоположно-го смысла высказывания.

Исконная лексика – это слова, унаследованные русским языком из индоевропейского языка-основы, из общеславянского и древнерусского языка: *мать, брат, тур (бык), человек, бор* и т.п.

Историзмы – слова, вышедшие из употребления в связи с исчезновением обозначавшихся ими понятий, например, *кафтан, буденовка, камердинер.*

Каламбур – фигура речи, состоящая в юмористическом обыгрывании различных значений многозначного слова или омонимов: *«Каждый олигарх может купить нашу газету. В киоске»* (реклама газеты «Ведомости»). *«Я всю зиму провел в здешнем краю. Я говорю, что я остепенился, потому что зарылся в степь»* (П. А. Вяземский). Порождает каламбур и столкновение антонимов: Москвичей скоро переселят из старых хрущевок в новые.

Калькирование – перевод по частям слов и словосочетаний с последующим сложением переведенного в одно целое, например, слово *дневник* было скалькировано из французс-

кого, *полуостров* – из немецкого, *насекомое* – из латыни. Это словообразовательные кальки. Различают семантические кальки, когда под влиянием иностранного слова исконное слово получает новое значение: слово *прелесть* в старом значении использовалось как соблазн или ересь; но под влиянием фр. *charm* (очарование) получило новое, современное значение. Таким образом, кальки – это скрытое заимствование, когда из исконного языкового материала создается слово или выражение, воспроизводящее строение иноязычного слова.

Канцеляризм – слово или выражение, которое является стандартом официально-делового стиля, но встречалось в тексте другого функционального стиля, например разговорно-бытового или стиля массовой коммуникации, в несвойственной ему функции. Слово «канцеляризм» обозначает негативное речевое явление и входит в систему стилистических ошибок. Например, *Я проживаю на Садовом кольце*.

Кодификация – описание языковых норм в словарях, справочниках, учебных пособиях.

Компрессия – опущение того или иного члена предложения вследствие его предсказуемости. Например: *Он читает* (= *Он читает книгу*); *У него температура* (= *У него высокая температура*). Таким образом, из двух образующих словосочетание слов остается одно, которое вмещает в себя значение всего словосочетания. Компрессия может служить одним из способов речевой экономии или же лежать в основе каламбура, но если она не оправдана, то может стать причиной стилистической ошибки.

Коннотация – сопутствующие значение слова, созначение, несущее в себе дополнительную характеристику нейтрального по стилистической окраске слова. Это дополнительная характеристика может быть имплицитной, то есть заключаться в самой семе слова (*коммуняки* – о коммунистах, *демоноиды* – о демократах), а может выводиться из контекста (эксплицитная демократия).

Конструкция с двумя винительными падежами – стилистическая ошибка, возникающая в том случае, если определяемое слово и причастие стоят в В.п., и имеет устарелый характер. Например: *Я увидел его стоящего у дерева*.

Контаминация лексическая – объединение слов или их частей на основе структурной, функциональной или ассо-

циативной близости, приводящее к их формальному или семантическому изменению. Лексическая контаминация может быть стилистическим приемом, например, при создании окказионализмов (*коммуноид, приватизация, вошпиталь*), когда окказиональное слово складывается из основ созвучных слов и вбирает в себя их семантику (такой прием называется «скорнение»). Неоправданная контаминация приводит к стилистической ошибке, т.к. она разрушает устойчивые связи лексем: «*уделить значение*» (вместо: «*придавать значение*» и «*уделять внимание*»); «*предпринять меры*» (вместо «*принять меры*» и «*предпринимать действия*»).

Контаминация прямой и косвенной речи – стилистическая ошибка, при которой в структуре сложного предложения происходит смешение двух форм передачи чужой речи. При этом высказывание приобретает разговорный характер. Например: *Президент сказал, что я сделаю все возможное.*

Контекст – (лат. Contextus – тесная связь, соединение) – языковое окружение слова или выражения, часть текста, которая дает возможность точно установить значение, показывает уместность употребления. В широком смысле контекст понимается как ситуация речевого общения.

Координация грамматическая – формальное соответствие форм сказуемого и подлежащего. Например: *Большинство сотрудников получило зарплату.* Сказуемое становится в форму ед. ч., соотносясь с главным словом словосочетания, которым выражено подлежащее.

Координация по смыслу – пренебрежение грамматическим соответствием сказуемого и подлежащего из-за несоответствия смысловых отношений. Например: *Большинство сотрудников получили зарплату.* Сказуемое ставится в форму мн. ч., указывая на множественность деятелей, то есть грамматическая форма глагола сопоставляется с лексическим значением подлежащего.

Лексическая недостаточность – стилистическая ошибка, состоящая в пропуске необходимого компонента словосочетания. *Меня до глубины волнует этот вопрос.*

Лексическая сочетаемость слов – это способность слова «связываться» с другими словами контекста, не разрушая семантических и синтаксических закономерностей подобной связи.

Литота – троп, разновидность мейозиса. Отрицание отрицания, в результате понимаемое как утверждение. Например: *Небезопасное соседство. Не лишенный остроумия человек.*

Мейозис – троп, состоящий в намеренном преуменьшении качеств, свойств, признаков предмета или явления. Троп, противоположный гиперболе. Мейозис употребляется говорящим в целях иронии, намеренной сдержанности оценок при эвфемизме. Например: *Ты тогда пешком под стол ходил; не первой свежести.* Как мейозис может расцениваться современное употребление как бы в целях смягчения категоричности речи. Разновидность мейозиса – литота.

Метафора – перенос названий на основе сходства признаков. Существуют различные классификации метафор, например, по характеру сходства: цветовые метафоры: (*золотая прядь*), размерные (*тумба* – о человеке), количественные (*созвездие журналистов, табун васильков*) и т.д. По стилистической роли в речи метафоры делятся на сухие, образные, общепозитические, газетные, и авторские. Сухие метафоры потеряли свою образность и воспринимаются как прямые, а не переносные названия вещей, явлений, действий: *ножка стола, часы идут.* Они выполняют номинативную функцию. Переносный характер общепозитических метафор ясно ощущается: *«Эта прядь – такая золотая разве не от старого огня?»* (Блок). Метафоры авторские, или индивидуальные, это слова, имеющие авторство и употребленные в необычном значении: *«каре волос»* (о лысине) (И. Ильф и В. Петров).

Метонимия – разновидность многозначности, основанная на смежности явлений. Одно и то же название получают два предмета, тесно связанные друг с другом: *«Не то на серебро – на золоте едал»* (Грибоедов). Метонимии различаются по смежности и по степени выразительности. По смежности метонимии бывают пространственными (*выпил целый стакан*), временными (*дожить до седин*), логическими (*веселая книга*) и т.п. По степени выразительности метонимии бывают сухие (*таблетки от головы*), общезыковые образные (*коричневая угроза, красные регионы*) и авторские [*потная дискуссия* (И. Ильф и В. Петров)].

Многозначность слова – способность слова имеет два и более значений. Развитие многозначности обычно происходит на основе сходства или смежности обозначаемых данным сло-

вом предметов или явлений. Поэтому различают метафорические и метонимические типы переносных значений слова. Многозначное слово имеет прямое и переносное значение. Прямое значение слова является основным, оно не обусловлено контекстом и стилистически нейтрально. Переносное значение вторично, зависит от контекста, стилистически окрашено, напр., ср.: *«молоко закипело» – «мечты кипят»*. Многозначность используется в различных стилистических приемах, например в каламбуре, иронии.

Многословие – стилистическая ошибка, связанная с присутствием в тексте лишних с точки зрения полноты передачи содержания слов. Многословие связывают с плеоназмом, избыточными перифразами, лексическими повторами.

Многосоюзи – фигура речи, состоящая в намеренном повторении союзов. Обычно повторяются сочинительные союзы. Например: *В гармонии соперник мой был шум лесов, иль вихорь буйный, иль иволги напев живой, иль ночью моря гул глухой, иль шепот речки тихоструйной* (А. С. Пушкин). Противоположным многосоюзию приемом является бессоюзие – асиндетон.

Морфологическая омонимия – стилистическая ошибка, возникающая из-за пропуска предлога, что приводит к неясности высказывания. Например: *письмо матери* (от? – кого?).

Нанизывание падежей – стилистическая ошибка, при которой несколько слов в одной падежной форме располагаются цепочкой. Как правило нанизывается Р.п. Например: *В целях дальнейшего улучшения уровня знаний школьников*. Реже встречаются нанизывания других падежей. Например: *Договор о соглашении о взаимозачете; эти обязанности исполняются назначенным президентом помощником*.

Нарушение согласования в падеже членов однородного ряда и обобщающего слова – Например: *Он любил смотреть фильмы разных режиссеров: Рязанов, Михалков, Резник*.

Неологизмы – это новые слова или новые значения слов, появившиеся в определенный период времени, которых не было в предшествующий период. Новизна неологизмов ясно ощущается говорящими. Неологизмы бывают общеязыковыми и индивидуально-авторскими. Общеязыковые неологизмы – это новые слова, которые удачно образованы и легко

приживаются в языке, они становятся понятны широким слоям говорящих на русском языке, например: *конверсия, шоп, компьютер, чизбургер*. Индивидуально-авторские неологизмы, или окказионализмы, обязательно имеют авторство. Например: *Я влюблен, я очарован, словом, я огончарован* (А. С. Пушкин).

Неправильное употребление союзов и союзных слов – стилистическая ошибка, возникающая при употреблении одного союза вместо другого. Например: *Он купил газету, где был напечатан новый закон*.

Неправильный выбор паронимов (см. пароним) – стилистическая ошибка, связанная с неверным выбором одного из членов паронимической пары («Болконские принадлежат к знатному и аристократичному роду», основанная на созвучии однокоренных слов («Быстрое и дешевое остекление балконов» – реклама).

Неправильный выбор связки в составном сказуемом – это стилистическая ошибка, возникающая, как правило, при неумелом использовании связки «являться». Употребление этой связки, с одной стороны, может придать высказыванию канцелярский характер, например: *Задача уничтожения боевиков все еще является* (ср: остается) *основной в решении чеченской проблемы*; с другой – стать причиной лексической ошибки, например: *Принятие закона явилось толчком* (ср: что-то служит толчком, а не является) *к продолжению переговоров*.

Неправильный выбор слова – стилистическая ошибка, связанная с проблемой соответствия конкретной лексической единицы определенному отрезку речи. Подобное соответствие должно соблюдаться как на лексико-семантическом, так и на стилистическом уровне.

На лексико-семантическом уровне неправильный выбор слова – это:

1. незнание или приблизительное знание основного лексического значения слова, связанное с его устарелостью («*Спортсмен искренно верит, что есть справедливые и несправедливые судии*») или, наоборот, новизной («*Инаугурация новой закуской состоится завтра*»);

2. неправильное использование слова в переносном значении, то есть немотивированная метафора или нарушение

метафорической цепочки (*«Очень жестоким был последний дуэт шахматистов»*);

3. смешение паронимов (*«Выборы нужно провести беспредельно честно»*).

На стилистическом уровне неправильный выбор слова связан с употреблением стилистически маркированного слова в иностилевом отрезке речи:

1. употребление поэтизмов в официально-деловых или сниженных по тону контекстах (*«Кальмары обезглавленные»* – надпись на консервной банке);

2. канцеляризм за пределами официально-делового стиля (*«Ты по какому поводу плачешь?»*);

3. анахронизм, возникающий при использовании недавно возникших или заимствованных слов в рассказе об исторических событиях (*«дилер»* вместо *«купец»*, *«светские тусовки»*);

4. неоправданная экспрессия новизны (и связанное с ней размывание значения текста) в нейтральных контекстах (*«участники мутационного действия»* – вместо *«участники концерта»*);

5. неоправданная экспрессия устарелости в современных контекстах (*«Давно Красная площадь не знала такого скопления разного люда, в том числе журналистов, влачащих сумки типа «Олимпиада-80»*);

6. жаргонизм в нейтральных контекстах (*«Израильский композитор Цвика Пик офонарел, когда его “Вива ля Дива” в пятый раз понеслась на бис под сводами переполненного зала»*);

7. диалектизмы за пределами диалекта и вне функции речевой характеристики героев (например, «г» фрикативное в теле- и радиоматериалах);

8. неуместные варваризмы и экзотизмы, нарушающие стилевое единство текста (*«Насколько туманной выглядит ее ргівасу, настолько прозрачной и ясной предстает она в своих песнях»*).

Проблема выбора слова тесно переплетается с проблемой уместного по семантике, экспрессивно-стилистической окраске и стилевой принадлежности синонима из существующего синонимического ряда. Данная стилистическая ошибка исправляется подбором более точного синонима.

Нисходящая градация – фигура речи, обратная градации и имеющая целью, в отличие от него, создание юмористи-

ческого эффекта, который состоит в том, что нарушается принцип увеличения важности компонентов перечислительного ряда: сначала ставится самый значительный семантически компонент, а затем – наименее значительный. Например: *Он известен во всем мире и даже дома.*

Норма языковая – общепринятые и кодифицированные в словарях и справочниках правила произношения, написания, употребления слов.

Норма стилистическая – разновидность языковой нормы, регулирующая уместное употребление слова в контексте в соответствии с особенностями стиля и стилистическими характеристиками данного слова. Нарушение стилистической нормы либо имеет характер ошибки (ненамеренное нарушение нормы, связанное с незнанием правил употребления), либо является стилистическим приемом (осознанное отступление от нормы).

Объединение в однородный ряд различных синтаксических элементов предложения – стилистическая ошибка, при которой в однородный ряд объединяются, например, член предложения и придаточная часть. Например: *Надо выяснить причины происшедшего, и какие следует сделать выводы.*

Окказионализм – новое слово, использованное один раз в каком-либо тексте и имеющее авторство. Окказионализм входит в круг неологизмов, но он не существует вне конкретного текста. Окказионализм – это контекстуально обусловленное слово, он единичен и невоспроизводим в речи, например: *«и кюхельбекерно, и тошно»* (А. С. Пушкин). В языке современной газеты часто употребляются «графические окказионализмы», в которых с помощью шрифта выделяются новые немотивированные окказиональные значения слова. Например: *Пиво клинское. Живи приПИВАючи, поПУТЧики.*

Оксюморон – фигура речи, основанная на соединении в одном словосочетании антонимичных понятий. Целью этой фигуры речи является подчеркивание противоречивости обозначаемого явления. Например: *Грешный ангел. Этот черный Белый дом. Какой же надо быть умной, чтобы быть душой!*

Олицетворение – троп, один из видов аллегории, при котором неодушевленному предмету или абстрактному понятию приписываются качества человека. Например: *Дождь плачет.*

Омонимы – слова, одинаково звучащие, но никак не связанные между собой по смыслу. Различаются 4 типа омонимов. **Лексические омонимы** – слова, совпадающие по звучанию и написанию во всех своих формах: *девичья коса – песчаная коса*. **Омоформы** – это слова, совпадающие по звучанию и написанию только в определенной форме: *три балла – три чаше*. **Омофоны** – слова с одинаковым звучанием, но разным написанием: *костный бульон – косные взгляды*. **Омографы** – слова, одинаково пишущиеся, но по-разному звучащие (именно поэтому не все ученые признают их омонимами): *замок – замок*. Часто явление омонимии лежит в основе каламбура.

Параллелизм (симметрия) – фигура речи, при которой два или более смежных отрезка текста строятся по одной синтаксической схеме. Например: *В синем небе звезды блещут, В синем море волны плещут, Туча по небу идет, Бочка по морю плывет* (А. С. Пушкин).

Параллельные синтаксические конструкции – возможность взаимозамены определенных синтаксических конструкций (конструкций, различающихся структурой и функцией), передающих одно и то же содержание. Например: *Критик посмотрел фильм и написал рецензию – Критик, посмотрев фильм, написал рецензию – Критик написал рецензию после того, как посмотрел фильм – Критик, посмотревший фильм, написал рецензию – Критик, который посмотрел фильм, написал рецензию – Критик написал рецензию после просмотра фильма*. Между параллельными синтаксическими конструкциями имеется смысловое и стилистическое различие, что надо учитывать при их выборе. Кроме того, нельзя употреблять как однородные причастные или деепричастные обороты и придаточные части предложения. Например: *В помещении возник пожар, который был быстро потушен и не нанесший сильного ущерба*.

Паронимы – это однокоренные слова одной и той же части речи, близкие по звучанию, но отличающиеся аффиксами и не совпадающие по значению: *одеть – надеть, знамя – знамение*. Смещение паронимов является стилистической ошибкой. Намеренное сближение в контексте сходно звучащих слов является языковой игрой, получившей название **Парономазия**: *Фоменко в ритме фламенко*.

Паронимическая аттракция, или скорнение – стилистический прием, основанный на контаминации (соединении)

слов, в которых замена какого-либо звука рождает новый смысл. К этому приему часто прибегал Лесков в своей стилизации под народную речь: *вошпиталь* (контаминация слов: *госпиталь* и *вошь*), *гульвар* (вместо *бульвар*), *спинжак* (вместо *пиджак*).

Перифраз – выражение, синонимичное слову и используемое в стилистических целях или для того, чтобы избежать тавтологии: *«В известных случаях Париж следует называть Парижем, а в других его надо величать столицей государства»* (Блез Паскаль).

Плеоназм – речевая избыточность, возникающая из-за неправильного использования синонимов, дублирующих смысл высказывания: *памятный сувенир*. Различают два вида плеоназмов. Это обязательный плеоназм, или структурно обусловленный, который не является стилистической ошибкой и широко представлен в грамматике языка: *спуститься с дерева* (дублирование значения предлога и приставки), *никогда не читал* (двойное отрицание). Плеоназм как стилистическая ошибка объединяет в словосочетания и предложения излишние слова: *монументальный памятник, свободная вакансия*. Плеоназм тесно связан с тавтологией, которая иногда считается его разновидностью.

Плеонастическое употребление союзов – стилистическая ошибка, возникающая при контактном расположении двух (реже трех) союзов с одинаковым значением. Например: *Однако тем не менее, он прав*.

Поэтизмы – это слова, относящиеся к возвышенной лексике, но имеющие более строгую лексико-семантическую ограниченность. По мнению О. С. Ахматовой, поэтические слова в значительной своей части представляют собой принадлежность классической поэзии XIX в. и включают в себя многие архаизмы, в частности церковнославянизмы. Поэтизмы выступают как своего рода «поэтический код», т.к. каждому такому слову соответствует нейтральный эквивалент. Например: *«Как, по преданию, из пены морской родилась златокудрая светлокожая Афродита, так, по мнению многих хозяек, пленительная чистота их белья напрямую зависит от выбора стирального порошка»* (реклама стиральных порошков).

Профессионализмы – это слова, относящиеся к специальной лексике и употребленные определенной группой людей, объединенной общей профессией. Например: *подвал, лоса, утка* (в речи журналистов).

Порядок слов – расположение членов предложения в зависимости от передаваемого смысла. В русском языке порядок слов свободный, то есть у того или иного члена предложения нет строго закрепленного места. Бывает прямой и обратный порядок слов. Прямой предусматривает общепринятое расположение членов предложения (например, в русском языке сказуемое следует за подлежащим, а согласованное определение должно находиться в препозиции по отношению к определяемому слову). Любой другой порядок слов по отношению к прямому воспринимается как перестановка, результатом чего является смысловое, стилистическое выделение переставленного члена предложения. Например: *У них: «Живи как хочешь» – У нас: «Как хочешь, так и живи»* (А. Трушкин). Неоправданное нарушение порядка слов ведет к стилистической ошибке.

Приложение – разновидность определения, выраженная существительным. Существительное стоит в том же падеже, что и определяемое слово.

Пропуск предлога – стилистическая ошибка, возникающая в том случае, если пропускаются разные предлоги при однородных членах предложения. Например: *Он любил ходить в театры, музеи, концерты.*

Разнотипность частей придаточного предложения – стилистическая ошибка, при которой в соподчиненных придаточных используется разный порядок слов. Например: *В своей речи он указал на то, что зафиксировано много нарушений в порядке проведения выборов и что жалоба в ЦИК написана.* Ошибка может быть вызвана и нарушением порядка слов в определительной придаточной части при неправильном расположении союзного слова: оно замещает ближайшее из предшествующих существительных. Например: *Позвольте задать вопрос президенту, который интересуется всех россиян.*

Разрушение причастного оборота – стилистическая ошибка, возникающая в результате нарушения порядка слов в причастных оборотах. Ошибочна постановка определяемого существительного внутри оборота. Например: *Приведенные факты в статье свидетельствуют о плохой работе дорожных служб.*

Разрушение фразеологического оборота – стилистическая ошибка, связанная с неоправданной трансформацией состава устойчивого словосочетания. Подобная ошибка возникает при:

1. замене одного из компонентов (*«как за каменной спиной»*);
2. контаминации двух фразеологизмов на основе опорного слова (*«молчать как рыба об лед»* – ср.: *«молчать как рыба»* и *«биться как рыба об лед»*);
3. неоправданном распространении лексического состава фразеологизма, ведущей к его плеонастичности (*«тяжелый сизифов труд»*);
4. пропуске одного из компонентов фразеологизма, ведущем к лексической недостаточности (*«нужно понять, в чем кроется успех этой работы»*);
5. смещении паронимов в составе фразеологизма (*«провести вокруг пальца»* – вместо *«обвести вокруг пальца»*);
6. непонимании значения фразеологизма (*«Выпускница радостно пропела свою лебединую песню»*);
7. изменении грамматических форм входящих во фразеологизм компонентов (*«глас вопиющих в пустыне»*).

Расщепленное сказуемое – простое глагольное сказуемое заменяется на составное именное, то есть глагольно-именное сочетание. Например: *Провинившихся наказали – провинившихся подвергли наказанию; Участвуют в соревновании – принимают участие в соревновании.* Использование расщепленного сказуемого характерно для официально-деловой речи. Его употребление в текстах других стилей придает высказыванию канцелярский характер.

Риторический вопрос – фигура речи, состоящая в придании утверждению или отрицанию вопросительной формы. Цель риторического вопроса – привлечение внимания читателя, повышение эмоционального тона высказывания, ответа на такой вопрос не требуется. Например: *И искусство, выросшее в этой сегодняшней реальности, разве может не быть фантастическим?* (Е. Замятин).

Риторическое обращение – фигура речи, при которой в тексте используется подчеркнутое обращение к кому-нибудь или чему-нибудь. Их основной целью является не называние адресата, а усиление выразительности речи. Например: *Ох, лето красное! любил бы я тебя, Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи* (А. С. Пушкин).

Родительный падеж субъекта – существительное, стоящее в Р.п., обозначает субъект действия (*приказ директора, приезд друга*). Стилистической ошибкой является наличие в

одном предложении двух родительных падежей. Например: *Поиск правительства денег на выплату пенсий; представлено мнение руководителя работы.*

Семантика (от греч. *Semantikos* – обозначающий) – 1. Значение языковых единиц всех уровней (морфем, слов, грамматических форм, словосочетаний, предложений, отрезков текста). 2. Наука о языковых значениях.

Синекдоха – разновидность метонимии. Перенос наименования с части предмета на целое: *зеленые береты (десантники), голубые каски*. И наоборот: *«Чему вас только в университетах учат?!»* (множественное число в значении единственного).

Синонимы – это слова, близкие или одинаковые по смыслу, называющие одно и то же понятие, но различающиеся оттенками значения, стилистической окраской и написанием. В зависимости от типа отличий синонимы можно разделить на три группы: понятийные (идеографические), стилистические и понятийно-стилистические. Понятийные – это синонимы, различающиеся оттенками смысла (*друг, товарищ, приятель*), стилистические – стилистической характеристикой (*золото – злато, кухня – камбуз, пистолет – «пушка»* (жаргон.)), понятийно-идеографические – и тем и другим (*думать, мыслить, смекать*). Синонимы, различающиеся только буквенной или звуковой формой слова, называются дублетами: бегемот – *гиппопотам*, лингвистика – *языкознание*. Синонимия лежит в основе градации. Неправильное использование синонимов приводит к плеоназму, смешению тематического и синонимического ряда, нарушению сочетаемости слов. Отсутствие синонимов приводит к тавтологии.

Синонимический ряд – это группа (два и более) синонимов, объединенных общим значением. Главное слово в этом ряду называется доминантой синонимического ряда. Оно стоит на первом месте и является семантически наиболее общим, а стилистически – нейтральным (*провинция – периферия, глухомань, глубинка, места*).

Квасисинонимический ряд – объединение в один ряд слов, синонимами не являющихся, а объединенных общей стилистической окраской в границах только данного контекста («Все эти фашисты, коммунисты, патриоты...»). Неумение разграничивать синонимические ряды иногда приводит к ошибочному

смешению синонимического и тематического рядов (см. тематический ряд).

Слияние предлогов – стилистическая ошибка, при которой в высказывании два предлога расположены контактно. Например: *Он предложил одно из со стола взятых пирожных.*

Смещение времен в причастиях – стилистическая ошибка, при которой нарушаются видовременные формы глагола-сказуемого и причастия. Например: *Заказы на рекламу, получаемые агентством, были выполнены в срок.*

Смещение компонентов сопоставительных союзов – стилистическая ошибка, при которой создаются неправильные пары союзов. Например: *Он не только не расстроился, сколько обрадовался.*

Смещение стилей – стилистическая ошибка, при которой в тексте неоправданно присутствуют элементы разных функциональных стилей, например, в публицистическом или разговорно-бытовом – канцеляризма.

Смещенная синтаксическая конструкция – стилистическая ошибка, при которой конец предложения дается в ином синтаксическом плане, чем начало, что придает высказыванию разговорный характер. Например: *В написании работы мне очень помогли словари и энциклопедии, их я много читал; Главное, что я хочу сказать, это о проблеме с выплатой пособий.*

Соединение в однородном ряду видовых и родовых понятий – Например: *Он посетил Францию, Испанию, страны Европы и Латинской Америки.*

Соединение в однородном ряду логически несовместимых понятий – стилистическая ошибка, при которой в однородный ряд объединяются несопоставимые понятия. Например: *Я потерял на одной неделе жену и зонтик.*

Соединение в однородном ряду скрещивающихся понятий – стилистическая ошибка, при которой в однородный ряд объединяются понятия, частично совпадающие по своему объему. Например: *Среди участников парада были ветераны и москвичи.*

Сравнение – фигура речи, которая состоит в сопоставлении двух понятий, явлений, ситуаций. Сравнение может быть выражено сравнительным оборотом (с союзами как, как будто, будто, словно), сравнительной степенью прилагательного

или наречия или формой творительного падежа со значением сравнения, присоединительной конструкцией со словом «так». Например: *Птицей небесной к тебе прилечу.*

Стандарт функционального стиля – слово или выражение, которое, благодаря своей функциональной стилистической окраске, является строевым элементом для того или иного функционального стиля. Говорят, например, о стандартах официально-делового, научного, стиля массовой коммуникации, разговорно-бытового и литературно-художественного стиля. Стилистические пометы в словарях частично отражают принадлежность слова или фразеологизма к стандартам определенного функционального стиля (например, пометы «научн.», «публиц.», «разг.», «поэт.»). Однако функциональную стилистическую окраску могут иметь не только слова и фразеологизмы, но и синтаксические конструкции (например, конструкции с расщепленным сказуемым или нанизыванием родительного падежа характерны для официально-делового или научного стиля). Некоторые стилистические ошибки, такие как плеоназм или смещенная синтаксическая конструкция, могут выступать в некоторых случаях стандартом функционального стиля (например, официально-деловые плеоназмы типа «в октябре месяце», конструкции с именительным темы в стиле массовой коммуникации, конструкции с двойным подлежащим или лексическая недостаточность в разговорно-бытовом стиле). Стандарт одного стиля может выступать как экспрессивное средство (например, разговорные слова и фразеологизмы в текстах массовой коммуникации) или как стилистическая ошибка (например, канцеляризм или «рванный синтаксис» устной речи) в тексте другого функционального стиля.

Старославянизмы – это слова, заимствованные из старославянского языка и употребляющиеся в современной речи с торжественной или иронической стилистической окраской: *уста, ланиты, злато.*

Тавтология – повторение сходных по значению и звучанию слов: *масло масляное, огород городить.* Может быть стилистическим приемом, служащим выразительности речи, например, в пословицах и поговорках: *Дружба дружбой, а служба службой.* Ненамеренная тавтология свидетельствует о стилистической ошибке, неумении использовать синонимическое богатство языка: *Этот случай писатель описал в своем письме.*

Термин – слово или словосочетание, являющееся точным названием какого-либо понятия, применяемого в науке, технике или искусстве. Например: *сема* (в лингвистике), *атом* (в физике) и т.п.

Троп (от греч. *Tropos* – поворот, оборот речи) – перенос наименования с одного предмета (явления, процесса, свойства) на другой. К тропам относятся: гипербола, ирония, литота, мейозис, метафора, метонимия, олицетворение, синекдоха.

Умолчание – фигура речи, когда высказывание умышленно не завершено, с тем чтобы читатель сам додумал пропущенные слова. Например: *Вот он придет и тогда...*

Устаревшие слова языка, вышедшие из активного употребления, но сохранившиеся в пассивном словаре и в большинстве своем понятные носителям языка: *аршин*, *конка*, *ключница*. Слова могут устареть из-за исчезновения обозначавшихся ими понятий. В таком случае их называют историзмами. Слова могут устареть и потому, что их вытеснили из активного употребления другие слова с теми же значениями: «*номер*» вместо «*нумер*», «*палец*» вместо «*терст*» и т.п. В таком случае мы имеем дело с архаизмами.

Фигуры речи, или стилистические (риторические) фигуры – языковые средства, специально организованные для придания речи образности и выразительности. Фигуры речи делятся на семантические и синтаксические. Семантические фигуры речи – это такое построение словосочетания или предложения, при котором возникает в речи дополнительный смысловой оттенок. К ним относятся: антитеза, каламбур, оксюморон, сравнение. Синтаксические фигуры речи – это такое построение словосочетания, предложения или группы предложений, при котором стилистическое значение приобретает сама синтаксическая форма. К синтаксическим фигурам речи относятся также анафора, инверсия, параллелизм, риторический вопрос, риторическое обращение.

Фразеологизмы – устойчивые сочетания слов, которые не создаются в речи каждый раз заново, а воспроизводятся как уже готовые, закрепленные в памяти речевые единицы. По степени семантической слитности различаются фразеологические сращения, единства и сочетания. Фразеологические сращения воспринимаются как абсолютно немотивированные в современном языке словосочетания: *собаку съел* (знаток).

Фразеологические единства – это мотивированные словосочетания, имеющие яркое переносное значение: *белая ворона*. Фразеологические сочетания соотносимы со свободными сочетаниями слов, но состоят из слов с фразеологически связанным значением: *бросать упреки* (ср. со свободным словосочетанием «бросать камни»). Камни можно и швырять, а упреки – только бросать).

Хиазм – фигура речи, образованная переменной позиций повторяющихся компонентов двух смежных отрезков текста. Например: *Поэзия искусства и искусство поэзии*.

Штамп речевой – слово или выражение, которое в прошлом выступало в роли экспрессивного средства, но из-за умеренного использования в речи потеряло выразительность и перестало восприниматься как экспрессема. Штампованные выражения относятся к разряду стилистических ошибок, так как свидетельствуют о незнании или неучете говорящим или пишущим соотношения стандартов и экспрессивных возможностей жанра или функционального стиля. Штампом чаще всего становится «растиражированная» метафора, которая из-за частоты своего употребления десемантизируется: черное золото (нефть), белое золото (хлопок), голубое золото (газ) и т.п.

Эвфемизм (от греч. *Eu* – хорошо + *phemi* – говорю) – более мягкое выражение вместо грубого: *несуны* вместо *воры*, *не сочиняйте* вместо *не врите*. Противоположное явление называется дисфемизм: *дурашка* по отношению к *любимому*.

Экзотизмы – слова иноязычного происхождения, называющие предметы и явления, не свойственные русской жизни: *сейм*, *лорд*, *арык*, *сантим*. Они употребляются для придания речи местного колорита при описании чужеземных обычаев, нравов.

Эллипсис – фигура речи, состоящая в пропуске какого-либо члена предложения, который подразумевается из контекста. Например: *На дворе – одиннадцать лошадей, а на стойле – сивый жеребец, злой, тяжелый, гривастый* (И. Бунин).

Энантисемия – внутрисловная антонимия, совмещение противоположных значений в одном слове. Например, *одолжить* – это «дать в долг» и «взять в долг». Это непродуктивное явление в языке, т.к. затемняется смысл высказывания. Но в современной журналистике энантисемия получила широкое развитие на стилистическом уровне, когда в зависимости от идеологической позиции печатного органа газеты одно

и то же слово используют с противоположными коннотациями. Например, слова *коммунист* и *демократ* в различных по направленности газетах употребляются то с негативной, то с положительной стилистической окраской.

Эпифора – фигура речи, состоящая в повторении конечных элементов двух или более относительно самостоятельных отрезков речи. Например: *Не станет нас! А миру хоть бы что. Исчезнет след! А миру хоть бы что* (Омар Хайям). Эпифоре по позиции элементов противоположна анафора.

Этнографизмы – это названия предметов, понятий, характерных для быта данной местности и не имеющих соответствий в литературном языке: *туес – сосуд из бересты; напева – разновидность юбки*.

Список литературы

1. Бердичевский А. Л., Соловьева Н. Н. Русский язык: сферы общения: Учебное пособие по стилистике для студентов-иностранцев. – М.: Русский язык, 2002.
2. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. – Екатеринбург, 2001.
3. Виноградов В. В. О языке Толстого (50-60-е годы). – М., 1939.
4. Виноградов В. В. Избранные труды: Язык и стиль русских писателей от Карамзина до Гоголя. – М, 1990.
5. Гаспаров Б. М. Устная речь как семиотический объект // Семантика номинации и семиотика устной речи. Лингвистическая семантика и семиотика: УЗ ТГУ. Вып. 442, – Т. I. – Тарту: ТГУ, 1978.
6. Григорьева О. Н. Стилистика русского языка: Учебное пособие для иностранцев. – М., 2000.
7. Ефимов А. И. Стилистика художественной речи. – М., 1957.
8. Ермакова М. Я. Традиции Достоевского в русской прозе. – М., 1990.
9. Захаров Н. П. Система жанров Достоевского. – Л., 1985.
10. Земская Е. А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения: Учебное пособие. – М.: Флинта, 2004.
11. Коньков В. И. Речевая структура газетных жанров: Учебное пособие. – СПб.: Роза мира, 2004.
12. Кожина М. Н. Стилистика русского языка: Учебник для студентов педагогических институтов. – М.: Просвещение, 1983.
13. Купина Н. А., Михайлова О. А. Основы стилистики и культуры речи: Практикум для студентов-филологов. – М.: Флинта, 2004.
14. Платонова М. О. О некоторых синтаксических приметах стиля Толстого: Исследования языка художественных произведений. – Куйбышев, 1977.
15. Практическая стилистика русского языка (для студентов-иностранцев): Учебное пособие / И. П. Лысакова и др. – СПб., 1994.
16. Практическая стилистика русского языка. Функциональные стили / Под ред. В. А. Алексеева, К. А. Раковой. – М.: Высшая школа, 1982.

17. Русский язык и культура речи. Семнадцать практических занятий / Е. В. Ганапольская, Т. Ю. Волошинова и др. – СПб., 2005.

18. Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 22-х томах. – М., 1981.

19. Шанский Н. М. О языке романа Толстого «Война и мир»: Лингвистический анализ художественного текста. – Л., 1990.

Е. Б. Демидова

СТИЛЬ... СТИЛЬ... СТИЛЬ...

Учебное пособие

Управление издательской деятельности
и инновационного проектирования
МПГУ

117571 Москва, Вернадского пр-т, д. 88, оф. 446

Тел.: (499) 730-38-61

E-mail: izdat.innov@mpgu.edu

Издательство «Прометей»

129164 Москва, ул. Кибальчича, д. 6, стр. 2

Выполнено при техническом содействии
ИП Зайка А. А.

Подписано в печать 12.09.2011 г.
Формат 60x90/16. Объем 7,375 п.л.
Тираж 500 экз. Заказ № 160.

ISBN 978-5-4263-0050-7

9 785426 300507